

Денис Талала

«Нора»

Предисловие автора

Вам стало бы страшно, если бы, идя по коридору мимо темного прохода в комнату, вы услышали какой-то странный звук, шорох, будто среагировавший на вас? Что бы вы сделали, если бы произошла такая ситуация: заглянули бы в проход, включили свет или сделали вид, будто ничего не произошло? Действовали бы вы аккуратно, осторожно приоткрывая дверь, или же резко распахнули ее? Нажимали бы на клавишу выключателя, стараясь сделать это так, чтобы она не издала никаких звуков, или же просто ударили по ней ладонью? Ведь кто знает, будет ли это в очередную тысячу раз сквозняком, или в первый и последний раз окажется для вас воплотившимся в жизнь плодом вашего воображения?.. Уверен, вы скажете, что реальней первый вариант, но думаю, что в душе вы все-таки не сможете опровергнуть второй хотя бы на один процент. Почему? Такова человеческая суть. С уверенностью зная истину, мы все-таки стремимся к чему-то неестественному, неизученному и таинственному.

Такой звук услышал однажды и я, в очередную тысячу раз нешуточно напугавшись. Но для меня это был не фальшивый страх, мелькнувший одним мигом и исчезнувший до следующего раза, нет. Для меня он длился почти полгода... тогда и появилась «Нора».

Трудно представить, что эта ситуация – сердце всего сюжета «Норы», но так оно и есть. Тогда был только один герой из нынешних пяти. Однажды поздним вечером, точно так же спускавшись по лестнице, он прошел мимо ванной, заметив там какое-то движение в дальнем темном углу. Только он не стал делать вид, что ничего не произошло, а направился именно в этот угол. Сложно описать, что он увидел, но это настолько пронзило его ошеломляющим страхом, что на мгновение показалось: сердце вот-вот остановится. К великому счастью, этого не произошло, а герой успел выбежать из ванной до того, как... Он бежал со всех ног, но не из дома, а на кухню, вспомнив, что оставил на кухонном столе ключ, бывший его единственным спасением. Ключ, открывавший красивый «музейного» вида короб из оргстекла, в котором лежала пара ружей. Он бежал по коридору, издали заметив через приоткрытую дверь кухни ключ на столе. И вот, когда его рука уже опустилась над ключом, собравшись его схватить, и когда тот вошел, «утонул» в плоскости стола... герой проснулся.

Что за чушь я несу, спросите вы. Но я рассказываю вам о том, как появилась «Нора», как еще давным-давно она называлась «Сладкие сны». Невообразимо мутировав, она обзавелась еще четырьмя героями, сменила место и время действия, наконец, приобрела новое имя.

Очень немногие читают предисловия, это факт. По себе знаю. Читают их либо те, кто слишком любопытен, либо те, кто ожидает увидеть в предисловии благодарность. Но я хочу поблагодарить человека, совершенно не ожидающего этой самой благодарности. Он был первым, кто отозвался о «Норе» и отозвался довольно-таки лестно. Если честно, для меня было неожиданным, что этот человек спросил меня о моей психике, в порядке ли она. Так вот, психика у меня в порядке. И спасибо тебе, М.К.!

*Денис Талала
19 марта 2005 г.*

Для мудрости нет ничего
ненавистнее хитрости.
Сенека

Глава 1

Есть такие люди, которые еще со школы остаются друзьями. Сидят за одними партами, вместе сбегают с уроков, а когда вырастают, вместе вспоминают, как в детстве сбегали с уроков, или как впервые целовали девчонок. Такими друзьями были и мы: Майк, Ральф, Вилли и Рэй. Каждый со своими особенностями, своим неповторимым характером и восприятием мира.

Майк всегда имел слабость к рок-музыке, к готике как понятию, к мистике и ужасу. Любую, даже самую рутинную и безобидную вещь он мог истолковать с такой точки зрения, что думаешь: *Боже мой, да что же с ним сделали в детстве?!* Вообще, он был довольно хорошим парнем, который всегда мог выслушать твои проблемы, а потом сказать: *у тебя не проблема, проблема в том, что у нас нет денег, чтобы снять девочек на вечер!*

Любимым времяпровождением Ральфа был осенний и зимний выезд в Лоствудс¹, где у всей компании был общий лесной домик, куда они приезжали, чтобы поохотиться на оленей, пострелять в белок или, в крайнем случае, скрыться от нагоняемой городом депрессии и испорченного боссом настроения. Домик они нашли заброшенным, а потом оказалось, что его хозяин давным-давно умер. Друзья купили его, немного прибрались и привезли какую-то мебель. После этого он стал выглядеть ухоженным и довольно-таки милым. Домик был из двух этажей, на первом были кухня и туалет с ванной, в кухне поставили панорамное окно во всю стену; на втором этаже были две спальни и еще один туалет. В общем, домик этот можно было бы назвать их «убежищем». Работал Ральф менеджером в компании, торгующей подержанными автомобилями.

Вилли, находясь в городе, все время был либо на работе, либо в разъездах: он был деловым человеком. А как иначе? Ведь он юрист! Его всегда можно было застать в своем офисе, где он практически жил, работая над какими-то бумагами, копаясь в чьих-нибудь *делах*. Вилли. Почему Вилли, ведь настоящее имя Вилли – Уолтер?

Работа Рэя была совершенной противоположностью его характеру. Психолог, который помогает людям справиться со своими проблемами, вне кабинета становится отвязным парнем, который практически во всех прохожих девушках видит кандидатур, с которыми он бы переспал.

Мы были самыми обычными ребятами... до того, как произошло то, что останется в нашей памяти навсегда, до последнего дня... до того, как произошло *это*.

– Эй, мистер самый-занятый-человек-в-мире! Ты думаешь, кому-то нужно твое «скорее всего, нет»?! – смеясь, говорил Ральф. – Сам не поедешь – мы приедем и увезем тебя!

– Ральф, ты же знаешь, что я не могу! – ответил Вилли.

– Не можешь? Как это? *Так надо*, помнишь? – удивился Ральф.

– Ну... я постараюсь. Могли бы и раньше позвонить и предупредить. Так во сколько завтра?..

– В шесть утра встретимся у меня в офисе, возьму машину, заедем в лавку старика Гослина, купим несколько упаковок Будвайзера². Нет! Купим *до фига* упаковок Будвайзера. Потом...

– Ральф, я понял, – ответил Вилли, перебивая.

– Тогда завтра в шесть! Пока!

– Давай.

Ральф, сидя на диване и перекрестив ноги, как йог, кинул трубку Рэю.

– Твоя очередь. Звони Майку.

Рэй, молча набрав номер, стал ждать ответа. Несколько гудков, и трубку на другом конце провода сняли. Даже Ральфи (так он любил называть сам себя), сидевший на диване в нескольких метрах, услышал рев рока, доносящийся из динамиков Майка. Потом он стих и Майк спросил:

– Да!

– Майк, это Рэй.

– Ну и что?

– Ни «ну и что», а «привет, Рэй, рад тебя слышать»!

– Да я шучу. Ну, как твое ничего?

– Мое в порядке полном, и твое, слышу, тоже ничего.

– Ага. Ты насчет Лоствудса?

– А откуда ты знаешь? – Рэй кинул обиженный взгляд в сторону Ральфа.

– Ну, понимаешь, просто так угадал. Завтра как раз двенадцатое октября, тот день, когда мы впервые увидели «Нору». Вот я и вспомнил. Разве не так?

– Ты угадал, я насчет него. Слушай, а у тебя отличная память. Я помнил только, что это было в октябре! – Рэй действительно удивился, что Майк помнит эту дату, ведь это было четыре года назад.

– Так когда?

– Завтра в шесть утра...

– Ну уж нет! Я спать хочу!

– ...в офисе Ральфа. Если не придешь, уедем без тебя.

– Ладно, буду.

– Давай.

Рэй нажал на «off» и повернулся к Ральфу с довольным взглядом. Ральф все так же сидел на диване в позе «лотоса», подложив под себя ноги, и выковыривал что-то из рельефа подошвы. Когда Рэй взглянул на него, он, почувствовав взгляд,

поднял голову и положил руки на колени. Потом поправил очки в металлической оправе и положил руки обратно на колени.

– Ну что, Ральф? Дело сделано! – Рэй сказал эту фразу с хитростью извращенца, завлекающего конфеткой ребенка в темный переулок.

– А что теперь будем делать? Кстати, я испек дома печенье, может, попробуешь?

Рэй поморщился, будто Ральф печет печенье каждый день, и оно уже всем порядком надоело, но когда Ральф добавил, что пиво *тоже* есть, Рэй соскочил с кресла, и оба, заливаясь искренним смехом, вышли из кабинета Рэя, а на выходе из здания Ральф сказал: «Элвис покинул здание!» Они сели в «ниссан» и поехали к Ральфу домой.

Глава 2

Ребята ехали на стареньком «ниссане», который Ральф взял напрокат у себя в фирме, по грунтовой дороге, окруженной с двух сторон лесом. У всех было замечательное настроение; Рэй, сидевший за рулем, щелкнул выключателем магнитолы – в салоне заиграла музыка. «Ред хот чили пепперз» играли неповторимую «Californication».

– Эй, Майк, а чем ты занимаешься сейчас? – спросил Вилли, повернувшись к нему с переднего сидения.

– Я организую гастроли рок-музыкантам, заведу всякой такой организаторской чушью. Ну, знаешь, помещения для записей им всякие снимаю, договариваюсь с теми, кто может помешать концерту и так далее. А ты чем?

– Сейчас дело веду. Я, конечно, не имею права разглашать такую информацию, но, думаю, вы не проболтаетесь? Так вот: один дебил убил маленькую девочку, а теперь говорит, что ничего не помнит. Пока у нас нет на него улики, но, я думаю, это не проблемное дело³. Для нас. Ральф, ты чего притих-то?

– Помните о хозяине нашего домика? – ответил он, отвернувшись от окна.

– Что именно? – поинтересовался Вилли.

– Ну, как он погиб?

– Я помню, что местные говорили, будто его нашли в «Норе» уже мертвым, лежащим на полу рядом со звериными следами и все такое. Да это же байки для приезжих! – усмехнулся Майк. – Вот, что действительно было бы страшно, так это, если бы его нашли без рук и ног в центре сатанинской звезды, выстроенной из свечек, а на печке в кастрюле булькал бы супчик из его мяса...

– Нет, серьезно, – перебил Ральф, – я покопался в библиотеке и нашел в газете «Ньюс Уик» некролог, где его родственники оставили телефон, позвонил им. Сказал, что мы узнали о хозяине нашего домика, что он умер, что сочувствуем и тому подобное. Они мне сказали, что его так и не нашли. Он пропал без вести! А в Лоствудсе говорят, что его нашли в «Норе» без следов насилия или отравления. Как будто он умер от страха.

Вилли и Майк одновременно спросили, почему, и даже Рэй, сидевший за рулем, отвел взгляд от дороги и посмотрел на Ральфа.

– Потому что у него поседел волосы, и один зрачок стал намного шире другого.

– Да брось, Ральфи! Кто это тебе сказал? Я думаю, что умереть от страха невозможно.

– Может, это был insult или инфаркт? Или еще какая-нибудь болячка? – высказал свое предположение Вилли.

Несколько минут друзья ехали молча. Может, из-за того, что Ральф вонзил эти не очень приятные новости в головы других, а может, из-за того, что все стали вспоминать, какой дорогой они едут. По радио что-то еле слышно бормотали «Бич бойз».

Осень выдалась теплая, но в последнее время у всех стало складываться впечатление, что погода портится. Сентябрь был сухим, а вот в октябре начались сильные дожди. Уже давно дорога к Лоствудсу была поглощена лесами, но *это* был не Лоствудс. Он начинался дальше. Дальше деревья были выше и стояли чаще, отчего казалось, что в лесу постоянно была ночь: лучи солнца не могли проникнуть через густые шапки елей и сосен, несмотря на то, что половина листвы облетела, а та, что осталась, пожелтела и покраснела.

– Майк, у тебя же хорошая память? Подскажи, какой дорогой мы сейчас едем? – спросил озадаченный Рэй.

– Ты имеешь в виду, какой именно из сотни? Такие вещи я не запоминаю. А карту что, опять не взяли?

– Не хватает еще заблудиться в лесу. Мы и так чуть не заблудились в прошлый раз без карты! – рассердился Вилли. – И зачем я, награжденный таким богатым опытом с прошлой поездки, снова с вами еду?! – Вилли отвернулся к окну. И не только он. Майк и Ральф тоже смотрели в окна и, видимо, начинали нервничать.

– Так вот почему ты так отмазывался, чтобы не поехать с нами! – понял Ральф.

– У меня действительно было много дел... РЭЙ! Смотри на дорогу! Дерево!

Машина резко вильнула вправо, скользнула, задела поднявшимся бортом дерево и перевернулась. Одну секунду была полнейшая тишина, но потом послышался подавленный смешок, а уже потом смеялись все четверо.

– Ральф, ты сдурел! Ты чего ржешь? – обозлился Вилли.

– Мы могли переломать себе все кости... кстати, все в порядке? Никто не умер? Нет, видимо, раз ржете как кони. Блин! Ральф, а ты перестань смеяться. Ты лучше подумай, что скажешь боссу об этом «ниссане»! Когда он узнает, что случилось, он тебя пришьет! – улыбнулся Рэй.

– А я скажу, что это ты его поцарапал! – Ральф еле выдавил из себя эти слова, перемешивая их с хохотом.

Компания еще долго не могла уняться, а когда унялась, то все поняли, что заблудились. И никто не мог представить, где находится.

Тогда мы сильно перепугались, потому что не знали, что нам делать. Позвонить не было возможности, ведь никто не взял с собой телефона. Не взял, потому что ехал отдохнуть от всего, что напоминало город, в том числе, и от надоедливых звонков.

Мы решили двигаться на север, куда и ехали. Мы знали, что до «Норы» осталось совсем немного, поэтому прихватили с собой уцелевшее пиво и направились в путь.

В лесу становилось все темнее, а мы все пытались найти дорогу в «Нору». Глаза уже привыкли к сумраку и ничего кроме черноты над головой и коричнево-зеленых стволов сосен не различали; ноги шли и уже начинали отекавать от многочасовой ходьбы, в голове крутились разные дурацкие мысли, особенно у Майка.

– Ребят, раз уж такой случай, не могу не поинтересоваться, – начал Майк. – Мы заблудились. Мы без еды и без машины, да и жидкость кончается (ни у кого не возникло вопросов насчет этого слова). Если мы зашли далеко, то заблудились уж точно надолго. Нам, естественно, захочется кушать, но кушать у нас, как я уже сказал, нечего. Но, к счастью, есть кого...

– Майк опять за свое, – перебивая, проворчал Рэй.

– ...кого же мы первого съедим? – Майки озадаченным взглядом прошел по лицам остальных.

Мы остановились. Все смотрели на Майка: может, не знали, что сказать в ответ на его мысли, может, серьезно обдумывали его слова; но, что бы мы ни делали, мы просто смотрели прямо ему в глаза.

– Что? Меня?

Была ли это шутка, были ли это серьезные размышления, стало не важно. Недалеко (относительно того пути, который мы прошли), километрах в трех к северу от нас, Вилли и Ральф заметили маленькое светлое пятнышко-огонек.

– Эй! Эй, смотрите! – Вилли указывал на маленький комочек света и трясся от радости. – «Нора»! Мы наконец-то пришли! Ура!

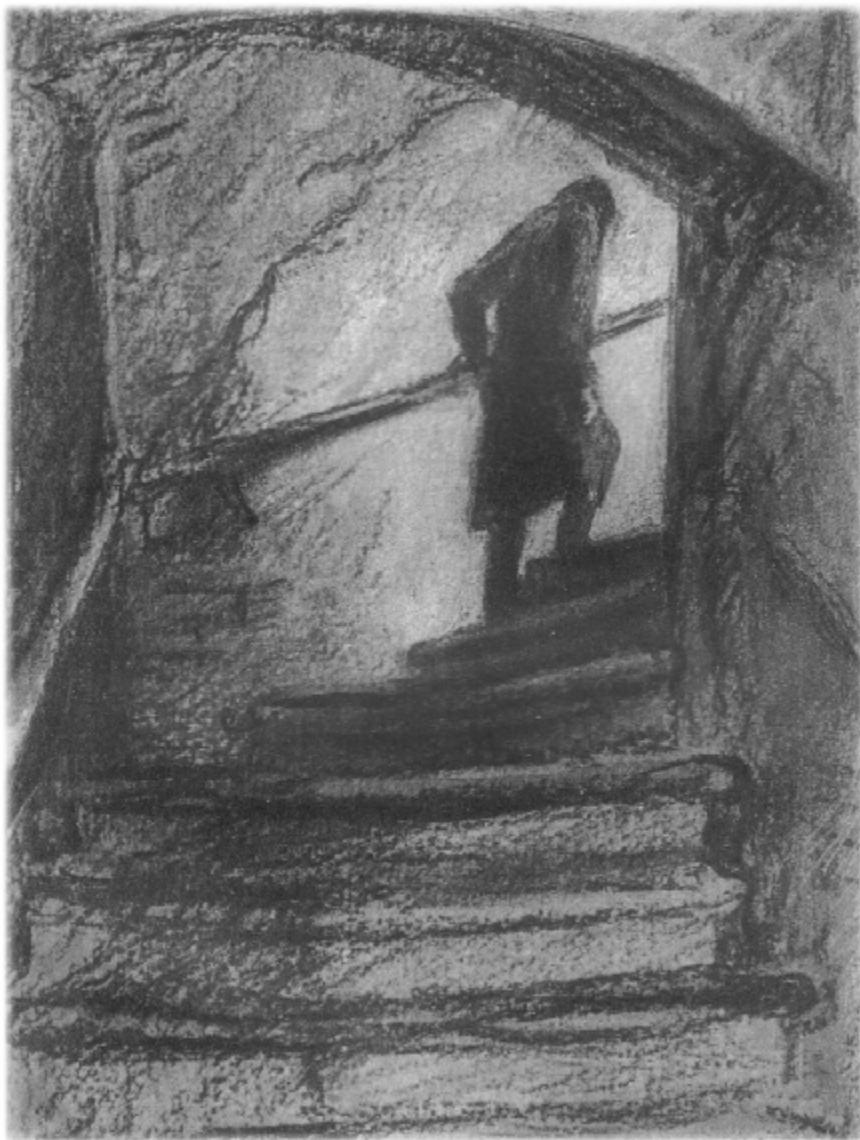
Мы побежали сломя голову, забыв об уставших ногах и голодных желудках, потеряв из головы все мысли, даже ту, в которой говорилось, что в доме кто-то есть. Иначе откуда там быть свету?

Глава 3

Когда-то светло-желтые деревянные стены дома потемнели от времени, на крыше валялись недавно осыпавшиеся красные, оранжевые и желтые листья, но в целом «Нора» выглядела неплохо.

Запыхавшиеся, мы подбегали к дому, но, когда та самая мысль снова пришла в наши усталые головы, стали убавлять шаг. Вилли нахмурился: наверное, вспоминал какой-нибудь закон о частной собственности. Это не обязательно могли быть браконьеры или просто *ублюдки*, это вполне могли быть родственники того старичка, пропавшего (или умершего?) хозяина «Норы». И все мы надеялись хотя бы на это. Рэй согнулся, упершись ладонями в колени и тяжело дыша, а заодно вспоминал, где спрятал ружья и думал, какова вероятность того, что ружья найдут. Майк издали осторожно заглядывал в кухонное окно, но все равно не видел в доме никого.

– Может, кто-то, кто был или есть в нашем доме, – шептал Ральф, – сейчас пробует починить наш генератор? Свет мигает, – заметил он. Все смотрели в окно. И действительно, свет чуть мерцал. Иногда почти незаметно, а иногда, как

старая люминесцентная лампа. – Пойдемте в подвал. Я думаю, туда этот кто-то пошел не более чем с отверткой или кусачками. Так, мы можем застать его врасплох. А выход из подвала только один. Ну, вообще-то, два, но люк на кухне под столом и мы не в первую неделю заметили.

Так называемый «вход» в подвал находился с левой (от лицевой) стороны дома. Он напоминал собой железный короб формы неправильной трапеции, немного утопленный в землю и снизу чуть поржавевший. Осенью этот люк всегда заносило листьями, но три недели назад, когда в «Нору» приехал Ральф, чтобы заранее привезти

некоторые продукты, в том числе и полуфабрикаты повышенного срока годности, он и смел листья в кучи.

Есть кто-то в подвале или нет – определить нельзя. Две железные дверцы люка закрывались на крюк, открыть который проблем не составляло. Подвал не запирался потому, что утащить оттуда было нечего: там находился генератор, на вес около полутонны, да несколько старых инструментов; а на крюк дверцы часто забывали закрыть.

За люком находилась лестница, уходящая в темноту. Из подвала веяло прохладой и запахом гнили. Выключатель был слева от второй лесенки, на сырой облупленной стене; чтобы включить свет, ты шарить рукой по стене, цепляешь паутину, а со стены все сыплется от старости и сырости. Свет старых лампочек был желтым, тусклым и постоянно мерцал, создавалось ощущение, что находишься в ветхом бомбоубежище в военное время. В подвале была почти идеальная тишина. Так тихо, будто все умерло. Эту чарующую слух тишину редко нарушали еле слышные звуки шлепающихся на землю капель и отдаленный шум снаружи; проходя дальше, можно было услышать нарастающее гудение включенного генератора, потом гудение перерастало в гул, и к нему добавлялась легкая вибрация и исходящее от разогретшегося агрегата тепло.

Эта, сначала тихая и таинственная, а потом волнующая и гулкая атмосфера, со всеми старыми осыпающимися стенами, вибрирующим звуком и мерцающим светом, со всеми паутинами и редкими каплями, утрашала, но чем-то была и привлекательна.

– Тут никого нет, – очень тихо сказал Ральф, – но около откидного люка на потолке есть большая дырка, в которую пролазят пробки... – Ральф метнулся к дырке и приставил к ней глаз.

Обзор был совсем небольшим: такой же виден в прибор-«шнурок», который пропихивает в щели под дверьми один из главных героев шпионских романов Тома Клэнси. Одним словом, никакого толку.

– Да чего мы, собственно, так боимся? Только подумайте: не можем войти в свой дом! – громко сказал Майк и усмехнулся. – Все. Я пошел, и будь, что будет.

Майк пошел первым, а мы за ним. В доме никого не оказалось. Мы не обнаружили ничего подозрительного: все вещи были на местах, и даже еда в холодильничке с веселым названием «Фроузен Уорлд» осталась нетронутой... до того, как пришли мы. Единственное, что оказалось не так – это выдранный из двери замок, который мы сменили сразу после того, как нашли «Нору».

Если в доме никого нет, и свет горит, значит, тот, кто оставил его включенным, собирается прийти. Такие мысли были далеко не утешительными, а обстоятельства весьма странными, но все же на душе стало легче. Когда мы поели, Рэй и Вилли устроились у некоего подобия барной стойки, потягивали из бутылочки и о чем-то говорили, Майк сразу после еды рухнул на диванчик на первом этаже за кухней, а Ральф сел за небольшой столик у кухонного окна и смотрел в глубь леса.

Лес выглядел жутко: на темно-синем небе забором виднелись верхушки сосен и корявые безлистые ветки деревьев – все это можно было бы назвать «зловещий лес» или «обитель ведьм». Иногда с куста на куст перелетала какая-нибудь птица, и тогда глаза Ральфа судорожно вглядывались в место, где только что произошло движение. И так происходило при каждом шорохе и падении листа...

Ральфу стало интересно, о чем говорят Рэй и Вилли, он повернулся в их сторону и увидел серьезные лица.

– Завтра нужно сходить в деревню, которая за лесом. Километров девяносто придется пройти пешком, – сказал Рэй.

– Рэй, – поморщился Вилли, – иди с Ральфом, а я побуду с Майком. Я не хочу туда тащиться. Вы идите, а я над этим поработаю, – Вилли кивнул головой в сторону двери. Замок лежал на столе, а дверь временно была заблокирована палкой.

– Ладно, мы сходим, но только вот поохотимся сначала, – Рэю не терпелось проверить работоспособность своего старенького ружья. – Кстати, пойду посмотрю, – Рэй пошел наверх.

Через несколько минут он спустился с лестницы с ружьем в одной руке и с испуганным лицом. Ральф и Вилли вопросительно посмотрели на Рэя, а он тихо пробормотал: «Второе ружье пропало!», на что все трое одновременно отреагировали: «Черт!».

На следующее утро настроение немного улучшилось, Вилли можно было застать копающимся с дверным замком, а Рэя и Майка – охотившимися на оленя, которого нигде не могли найти. Утром обнаружилось, что вход в подвал забыли закрыть, и Ральфу пришлось выметать залетевшие туда листья. Потом он отправился на кухню и стал готовить обед, но так как Ральф кроме яичницы и вареных сосисок ничего больше готовить не умел, то с овощным рагу провозился довольно долго.

За обедом друзья говорили о походе в деревню, а после обеда в «Норе» остались только Майк и Вилли. Майк стянул с полки какую-то старую потрепанную книжонку (на серой обложке ярко-красными буквами с «кровавыми» подтеками – явный признак дешевого ужастика – было написано «Дни из жизни смерти»⁴) и принялся ее читать, но, не прочитав и пятидесяти страниц, уронил ее и уснул на том же диванчике.

Тем временем Вилли поковырялся в генераторе и, прибирая инструменты, заметил новенький топор, которого, кажется, раньше не было (кто знает, что натаскал сюда Ральф?), захватил его и стал вылезать из подвала, когда заметил, что в ближайших к лесу кустах что-то мелькнуло. Вилли подбежал к кустам, стал смотреть по сторонам, а потом медленно пошел в лес.

Солнце садилось, освещая только вершины деревьев и их золотую листву. Небо еще было серо-розовым, но в лесу уже наступала ночь. «Нору» окутала мягкая, даже какая-то вязкая тишина, нарушаемая короткими криками пролетающих птиц и легким дуновением ветра. Где-то в деревне с одноименным с лесом названием Лоствудс (названием весьма неудачным) мать убаюкивала своего ребенка, а здесь, в убежище и логове четырех друзей, «Нора» убаюкивала Майка.

Через несколько быстро пролетевших минут солнце ушло за горизонт, и широкий лес погрузился во мрак. И где-то там, в лесу, был Вилли, и он был не один. С ним был топор.

Глава 4

Проснувшись, Майк сладко зевнул, потянулся и пошел варить кофе.

Осень пришла в Лоствудс так же внезапно, как восход солнца в тропиках. Все произошло буквально в один день. Так же быстро приходила и весна, но она здесь была не самым лучшим временем года, потому что уже в апреле становилось жарко. Поэтому осень, приходившую в середине сентября ждали, как старого, желанного друга. Друга, который усаживается в твое любимое кресло, закуривает сигару и начинает рассказывать, где он был и что видел.

И это длится весь октябрь, а иногда и ноябрь. День за днем небо становится прозрачнее, и по нему плывут, всегда на восток, облака, белые корабли с серыми парусами. Ветер становится сильнее, обрывает с деревьев листья и заставляет болеть что-то еще, кроме ваших костей. Может быть, что-то древнее в человеческой душе, память предков, твердящую: "Беги на юг или умрешь". Даже в доме, за крепкими стенами, ветер колотится в стекла и завывает в трубе, и рано или поздно кто-нибудь оторвется от своих дел и посмотрит в окно.

Вот и Майк, похлебывая кофе и изредка позевывая, поплелся к панорамному окошку. За стеклом ночь начинала мягко обнимать Лоствудс, лес вокруг таинственно шептался. Птицы умолкли. Где-то хрустнула ветка.

Пока Майк рассматривал красоты здешних мест, небо почти совсем почернело. Вновь хрустнула ветка. Майк насторожился и стал вглядываться в кусты. Тишина повисла над лесом, но это была зловещая тишина. Густая черная тень мягко прокатывалась с листвы на землю и обратно, двигаясь по направлению из леса.

Майка начал окутывать страх, такой же липкий и тягучий, как мед. Сгорбленная низенькая фигурка вышла из леса. Майк вдруг понял, что его прекрасно видно даже с такого расстояния, и спрятался за угол. Выглядывая, он видел то, что появилось из леса; то, что Майк пока не мог назвать человеком, двигалось прямо к «Норе». Со лба закапал холодный пот. Прокравшись к двери, к глазку, Майк продолжил наблюдать. Существо продолжало свой путь.

Майк отпрянул от глазка и, немного замешкавшись, стараясь не шуметь, бросился на второй этаж, где лежало ружье. Схватив его и проверив, есть ли патроны, он спустился, забрался под лестницу, сел и навел дуло на дверь.

Шорох шагов не смолкал, а паника бродила кругами в сознании Майка, уверенная, как хищник, который выжидает, пока погаснет огонек сознания одинокой жертвы, оставшейся без друзей и потерявшейся в глухой темноте лесов.

«Ты не потерялся, – сказал голос разума, но Майк не верил этому голосу. Его уверенность была ширмой, а разумность только раздражала. – Ты же знаешь, где находишься!»

Да, он знал. Он находился в конце узкой, извивающейся и разбитой грунтовой дороги, которая через две мили отсюда выходила на безлюдное шоссе. Когда-то они с друзьями ехали по желтым и оранжевым листьям, устилавшим дорогу, и эти листья были лишним свидетельством того, что по этому пути едва ли кто-нибудь проезжал за те три недели, которые прошли с начала листопада. Берег озера был совершенно безлюдным. И только через пять миль можно было увидеть несколько жилых домов – ту самую деревушку Лоствудс.

В лесу слышался вой собаки, а может и волка. И шаги... сводившие Майка с ума.

Можно ли сказать, что там кто-то ходит? Верно ли, что это – реальность, или нет? Как и то, что лает там собака или не лает, да и собака ли это вовсе? И если я стану звать на помощь, то ответит ли кто?.. Я могу кричать до посинения, но это ничего не даст: никто не услышит. Собака могла бы меня услышать, но она наверняка без хозяина, если это еще собака... Со мной все это будет тянуться долго, если Ральф и Рэй не поторопятся... Или Вилли... Кстати, Где Вилли?! Странно, что я не заметил отсутствие его присутствия... А может, это и был он?.. Нет, на Вилли никак не тянет, тем более что от одного только вида этой фигуры шел какой-то странный неприкрытый ужас...

Именно эти размышления и странные реминисценции из "Ворона" Эдгара По принесли внезапное понимание того, в какое ужасное положение он попал, и теперь уже слепой, жуткий страх навалился на него. Секунд двадцать или больше – вообще, если бы его спросили, сколько времени длился этот приступ ужаса, он ничего не мог бы сказать – он был полностью во власти отчаяния. Огонек здравого смысла едва мерцал в его рассудке, но он был бессилён – лишь стены, как сторонние наблюдатели смотрели на ту драму, которая разыгрывалась с человеком под лестницей, с ружьем в руках.

Ему не следует заикливаться на этих мыслях. Нет, их надо выбросить из головы. Но несчастье в том, что трудно об этом не думать. Пес

Волк?

и даже ветер тоже внезапно утихли, и тишина казалась глухой и плотной, как слой пыли на мебели в давно опустевшем доме. Только шаги, тяжелые, монотонные шаги... И голос, который зазвучал, принадлежал ему самому. "Господи, – сказал голос, – о Господи! Я тут один. Совсем один!"

Майк дышал очень быстро. Шаги стихли. Его горло перетянула веревка этой жуткой тишины. Он тяжело вздохнул, в ушах что-то зазвенело, а в глазах стало темно...

Он видел только темноту, и слышал отдаленно доносящиеся до его сознания звуки, такие знакомые и такие четкие. Они становились четче и громче, они сокращали расстояние, а Майк все приближался и приближался к чему-то... к земле?.. сквозь темноту Майк заметил что-то сверкающее и светлое, какое-то пятнышко, похожее на каплю, но вот оно потемнело и исчезло...

И тут...

Вспышка света. Майки схватил ружье, дверь открылась, и он нажал на спусковой крючок. *Щелк!*

На пороге стояли Ральф и Рэй. Их глаза округлялись. Ральф держался за ключи, торчащие в замочной скважине, и его руки дрожали. Майк смотрел на них с диким страхом.

Глава 5

Майк, держа в руке старенькое ружьишко, стоял до смерти напуганный. Палец съехал со спускового крючка, но ведь теперь это было даже хорошо – руки дрожали.

Майк не слышал кричащих на него Рэя и Ральфа; его губы дрожали, и челюсти стучали друг о друга. Он еще не понял, что темная фигура в черном за линзой дверного глазка – это Ральф и Рэй, теперь стоящие перед ним и не представляющие никакой опасности, несмотря на то, что они пребывают в бешенстве.

Есть два вида страха, во всяком случае, Майк придерживается такой классификации. Тивишный страх и настоящий страх. Мы идем по жизни, испытывая в основном тивишный страх. К примеру, когда ждем результатов анализа крови или возвращаемся домой из библиотеки в темноте и думаем о плохишах, затаившихся в кустах. По-настоящему мы из-за этого дерьма не пугаемся, потому что в глубине души знаем: и анализы не покажут ничего ужасного, и в кустах никого не будет. Почему? Потому что такие напасти случаются с людьми только на экране телевизора.

Когда Майк сидел под лестницей, ожидая чего-то ужасного, он испытывал настоящий страх.

Друзья находились в комнате за кухней. В этой комнате на первом этаже всегда теплее, чем в других комнатах, даже на втором, потому что внизу находится генератор. У стены была небольшая деревянная лестница, уходящая своими многочисленными ступеньками на второй этаж, как скачущий график. Слева небольшое кресло, под лестницей в углу стоит крохотный черно-белый телевизор на подставке, редко что-то показывающий. Справа, все еще под

лестницей, стоит любимый диванчик Майка, на котором так сладко спится, особенно, если забываешь все, что произошло... Еще правее, у стены, расположился заставленный книжками и всякой белибердой стеллаж. Книги были рассортированы, и рядки стояли аккуратно: вот глянцевики в черном переплете, вот разнообразные сборники с большой надписью **Эдгар Аллан По**, а где-то на верхних полках стояли книжки малоизвестных авторов, пишущих "мясные" ужастики.

Майку всегда нравился стих Эдгара По "Ворон". Иногда этот стих вносил в него чувство тревоги, а иногда внезапную бодрость и еще какое-то странное, но приятное чувство, так что Майк начинал читать вслух сам себе:

Я не мог не удивиться: эта траурная птица
Так была невозмутима, так напыщенно-горда.
Я сказал: «Признаться надо, облик твой не тешит взгляда;
Может быть, веленьем ада занесло тебя сюда?»^б...

Теперь все успокоились. Майк думал о том, как видел кого-то или что-то за дверью, но все никак не мог смириться с тем, что это были его друзья. Ему казалось, что было что-то зловещее в той фигуре, что-то отвратительно жуткое, мистическое... Потом речь зашла о Лоствудсе, деревне.

– Мы с Рэем думали, что найдем там какую помощь, но у них ни у кого нет телефона! Ты только представь, – говорил Ральф. – Мы не зря никогда туда не заглядывали. Вообще, деревня выглядит зловеще. Тем более, ночью. Все какие-то дикие.

Ральф рассказывал, как они пришли к одной старушке, спросили, где есть телефон, а та сказала, что у нее и так много проблем, чтобы они убирались отсюда, и хлопнула дверью. Она выглядела ужасно: так выглядят умирающие люди. Высохшие руки, отвисшая складками кожа, бледная и покрытая пятнами, мешки под глазами, седые волосы, морщины...

На кухне что-то скрипнуло, и все прислушались. Прошло несколько секунд, и тишину нарушил Рэй.

– Майк, где Вилли?

Майк будто очнулся от продолжительного сна, рассказал все. Рассказал, что проснулся и Вилли уже не было. Рассказал, что видел кого-то у дома, что наблюдал за ним в глазок, что взял ружье, что спрятался под лестницу...

Майк рассказывал и смотрел на Ральфа и Рэя попеременно. Они внимательно слушали его и очень странно молчали. Майк остановился, но продолжал смотреть на них.

Лицо Ральфа начало изменяться. Вены пульсировали, кожа потемнела. Зрачки сузились до точек, а под глазами проявлялись темно-багряные пятна, как выступает кровь из пор больного чумой. Майк со страхом смотрел на Ральфа не в

силах пошевелинуться, перевел взгляд на Рэя и увидел, что с ним происходит то же самое! Волосы стали сесть, кончики их пальцев почернели и сморщились, как после горячей ванны...

Майк соскочил с дивана и отпрянул к стене. Но уже все исчезло. Ральф и Рэй смотрели на Майка и были совершенно ошарашены.

– Майк, ты что? – спросил Рэй.

Не дождавшись ответа, Рэй и Ральф с изумленными лицами уставились в темный проход в кухню.

– Куда вы смотрите? – спросил Майк. – Что та... – Майк повернул голову и не сразу понял, что видит. Он увидел два каких-то кольца, внутри которых были черные круги. Майк вглядывался в них, но ничего не мог разобрать, – кольца были слишком близко у глаз. Майк отвел голову вправо, но заметил, что кольца не отстают от глаз.

И тут Майк увидел, что от колец отходят две металлические трубки, а дальше что-то черное... руки...

– Майк, – сказал жалобным голосом Ральф.

Рэй и Ральф смотрели то на Майка, никак не понимающего, что он видит, то на человека, приставившего дуло двустволки к голове Майка.

– Кто вы такие? – спросил человек.

Его голос звучал тихо и с хрипом. Он стоял в темном проходе, его нельзя было разглядеть, и только ружье, выходящее из темноты, можно было узнать. Второе ружье.

Старик вел себя крайне странно. Друзья объяснили ему ситуацию, мол хозяин потерялся, они нашли домик, обиходовали его и все такое. Но вместо вежливого понимания на его лице выразилось искреннее непонимание и изумление. Странность его поведения не осталась незамеченной.

Пока Майк разговаривал со старичком, Рэй не смог больше держаться на ногах и лег спать. Ральфу тоже наскучили разговоры, хотя многое было интересно, он сел у окна, положил на подоконник руки, как школьник, на них голову и уставился на красивый рассвет.

Рассвет был действительно красивым, наверное, самым красивым, который видел Ральфи. Из-за горизонта, создаваемого лесом, отражаясь ослепительными бликами в озере, выходило солнце. Ярко-оранжевого цвета, окаймленное красным ободком, оно постепенно заливало всю комнату золотым, как осень, светом, со временем забираясь даже в самые темные уголки. Начались различаться цвета, и мир становился, хоть и блеклым, но уже цветным. «Как дела?» – спросил у солнца Ральф.

Ральфу нравилось просто сидеть и смотреть на рассвет или на закат. У него было доброе и усталое лицо, и он улыбался солнцу. Ральфи всегда считал, что у солнца тоже есть лицо, просто нам не видно его из-за яркого света.

Ральф и Майк пригласили Милтона (так звали этого старичка) завтракать. Все трое уселись на кухне за столиком, но расспросы не прекращались.

– Милтон, – поинтересовался Ральф, – расскажите нам, где же вы были все это время? – Ральф приостановился, держа в руке вилку с висящим на ней кусочком горячей яичницы.

– Все это время?! Знаете, мне чертовски не хочется рассказывать всю эту историю... Потому что рассказывать, собственно, и нечего.

Глава 6

Все началось несколько дней назад.

Старик сидел в чулане, разбирал хлам по коробкам, когда услышал во дворе какие-то звуки. Он вышел во двор, но все тут же прекратилось. Вечером звуки опять повторились, и он понял, что это были крики. Крики из леса. Он испугался, лег спать. Среди ночи кто-то снова кричал и теперь звал на помощь.

Милтон взял ружье, фонарик и отправился в лес. Ночью. Ему не пришлось идти далеко: на берегу озера он заметил фигуру. Это была девушка (впрочем, он знал это по голосу).

– Что случилось? – старик был в недоумении. – Почему вы кричали?

Вместо ответа девушка засмеялась, потом подобрала камень размером со страусиное яйцо и попыталась попасть в старика. Он разозлился: сначала его пугали криками среди ночи, теперь его испугала девушка, стоящая одна посреди ночи на берегу озера в одной ночнушке, а теперь она еще и камнями вздумала кидаться! Милтон бросил ружье и побежал к ней, но она тоже стала убегать...

– Мне вспоминается это как сон. Я долго бежал за ней по лесу. Если б догнал, она бы у меня узнала, где раки зимуют, сучка, – обиженно говорил старичок, не прерываясь ни на секунду от рассказа. – Бежал, а потом... потом... не помню! А уже после этого очнулся у озера и сразу пошел домой. Вот я и здесь. Как вы успели все это?.. Что не так?

Выслушав старика, Ральф и Майк были в шоке. Теперь-то они поняли, что не так. Хозяина «Норы» не могли найти четыре года, а он говорит, что отсутствовал всего несколько считанных дней! Для них это было и невероятно, и страшно, и... Бог еще знает, что! Остается только гадать, была ли это амнезия или летаргический сон...

Друзья долго сомневались, стоит ли рассказывать несчастной жертве судьбы о том, что с ней произошло. Благо, им не пришлось этого делать самим, потому что в дверь постучали.

Стучали с силой, быстро, но с каждым разом медленнее и слабее. Майку не доверили держать дверь под прицелом, ее держал проснувшийся Рэй. Ральф подошел с боку от двери, обернулся на Рэя и осторожно посмотрел в глазок.

– Вилли!

Вилли проковылял до стула и рухнул на него.

Сказать, что у него был усталый вид – не сказать ничего. Он выглядел ужасно. Джинсы, рубашка и руки испачканы в земле; дрожали не только челюсти, а вообще все лицо.

– Ты где был?

– Я пошел за дровами и кого-то увидел... Заблудился. А кто там у вас? – Вилли наклонился на стуле влево, чтобы увидеть человека, сидящего за перегородкой, отделяющей кухню с комнаткой.

Когда Вилли увидел этого человека, сердце его сильно заколотилось, глаза округлились, и все потемнело; он свалился со стула без сознания.

Когда-то Майку пришла в голову совершенно бредовая идея. Он предложил напиться вдрызг и пойти в Оперу. Тогда это казалось смешным, но, вспоминая это сейчас, вздрагиваешь от страха. Предложение его показалось вполне оригинальным, поэтому никто ни слова не сказал против. Сейчас иногда кажется, что это что-то значило. Может, это был наш *fatum*⁵?

Когда пришли в оперный, купили четыре билета и пошли в холл, где ожидают концерт. Уже и не помнится, что это было, но, скорее всего, какой-то мюзикл. Сначала было весело. Только подумайте: четыре пьяных друга, которым никакого дела нет ни до какой оперы, пришли на мюзикл! Ближе к середине все успокоились, и даже как-то неестественно притихли. Может, начали вникать в суть, а может, нам просто захотелось спать. Почти растаяв в сиденье, мы пытались быть в сознании и выглядеть культурно. Но лучше всех это получалось у Вилли.

До начала мюзикла Вилли вышел в туалет. Он сходил по маленькому (эти смешные писсуары всегда его забавляли) и стал мыть руки. Он повернул голову к приоткрытой двери, откуда доносился гам разговаривающих людей, разные звуки шагов, в общем, это было какофонией разнообразных звуков. Вдруг мимо щели мелькнул человек. Вилли заметил, что передвигался он с помощью трости. Почему-то этот человек показался Вилли странным, но потом он ухмыльнулся, высушил руки, посмотрел на себя в зеркало и направился к друзьям.

Теперь он выглядел вполне серьезно и внимательно смотрел на сцену.

Входная дверь в зал приоткрылась. Из щели, которую она образовала, показались лучи яркого света. Какой-то ветхий старичок с виноватым лицом заглянул в зал, убедился, что опоздал, но все-таки осторожно зашел. Он был одет в старый костюм-троечку, но выглядел достойно. Он, опершись дрожащими руками на трость, аккуратно стоял около двери, а когда заходил, никто этого даже не заметил. Никто, кроме Вилли.

На сцене разыгралась настоящая страсть. Главный герой произносил свою пламенную речь на итальянском, а девушка в стороне танцевала и всем своим видом показывала, что летает в облаках от счастья. Вдруг пение оборвалось: актер, кажется, чему-то очень сильно удивился. Старик смотрел на него очень

внимательно и не отводил глаз. Актер схватился левой рукой за грудь, а правой за горло. Вены на его висках набухли. Девушка и вся труппа подбежали к нему, а оркестр замолчал. Включили свет.

Зал зашумел, а некоторые люди встали со своих мест, чтобы пропустить доктора. Друзья внимательно наблюдали эту картину и нервничали. Не нервничал только Рэй, но это для него характерно – он психолог. А может, он просто не показывал, что нервничает.

Старик немного наклонил голову вправо, точно как удивившаяся собака, и продолжал смотреть на бедного актера. Он уже стоял на коленях, его руки ослабли, а вены надулись сильнее и слишком выражено выступали. Наконец он упал, а доктор принялся оказывать первую помощь: он сделал предкардиальный удар. Сердце остановилось. Старичок в костюме вздохнул, повернулся к выходу и через мгновение уже исчез за дверьми.

Вилли был в шоке. Он рассказал остальным о случившемся, но ему поверили не сразу. Вилли уверял, что старик убил актера взглядом, а в это действительно трудно поверить. Но можно, ведь это был тот самый старик, хозяин «Норы», домика-убежища четырех друзей в Лоствудсе.

Теперь, увидев его через шесть лет после первой встречи в Оперном, Вилли узнал его и пребывал в оцепенении и в ужасе. Он вспомнил все, что произошло тогда. Шесть лет назад.

Как солнце стало освещать темные углы комнаты, так же стали освещаться и темные уголки в головах друзей. Теперь они поняли, что было тем «знакомым», что они замечали в Милтоне. В Оперном он был с тростью и опирался на нее, теперь же он сидел на диванчике, опершись руками в приклад двустволки, стоявшей стволами на полу. Но, вопреки рассказу Вилли, в этом милом старичке не замечалось ничего зловещего, да и вообще, злого.

Рассказав ему о том, что с ним, по их мнению, происходит, они, как и предполагалось, расстроили его. К счастью, он, недолго пребывая в унынии, сказал, что стар и что терять ему нечего.

– Мистер Милтон, – решил на самый интересный вопрос Вилли, – что тогда произошло в Оперном? Вы это помните, надеюсь? Это было шесть лет наза...

– Помню. Честно говоря, Вилли, я и сам не знаю. Тот парень? Певец... Да, я помню, как у него случился приступ. Почему вы вините в этом меня? Мне стало жаль беднягу, я не хотел смотреть, как он умирает, вот и ушел. Тем более что для меня приступ сердца – это актуально.

Красное небо стало светло-серым – наступило утро.

Наверху спали Рэй и Милтон, внизу остальные. Майк спал на своем диванчике, Вилли на полу, а Ральф соорудил себе спальное место из кресла.

Все спали долго, наверное, до обеда, а Ральф встал раньше всех. Он сразу же отправился на кухню, потому что он был единственным ответственным за нее. Да и самому Ральфу нравилось готовить. Вот и сейчас он шарился в холодильнике в поисках пригодного в пищу. Достал четыре все еще свежих яйца, пакет молока, стеклянную банку с сахаром.

Через некоторое время он уже пек в духовке коржи для пирога. Нашел одно единственное яблоко, порезал его тонкими кружочками и, открыв дверцу духовки, кинул пластики сверху сладких тестовых лепешек.

Ближе к обеду начали просыпаться остальные, чувствуя аромат горячего «яблочного пирога». Позавтракав этим пирогом и поблагодарив Ральфа, что слава-богу-это-было-не-печенье, все стали заниматься своими делами: кто-то что-то делал, кто-то разговаривал, кто-то просто отдыхал. Майк дочитывал начатую книжонку, Рэй беседовал с Милтоном (все пытался выудить у старика какие-нибудь подробности), а Ральф теперь просто лежал на диване, уставившись в потолок.

Свет мигнул, мигнул сильно. Скорее потух и зажегся, чем мигнул. Ральф отвел глаза и смотрел на лампочку; Майк тоже обратил на нее внимание. Несколько секунд они смотрели на нее. И тут... она потухла.

За окном почему-то стало темно. На посеребрившее небо налетели тучи, подул ветер. Заморосило. Вилли, сказав, что разберется с генератором сам, надел ботинки, накинул капюшон и вышел. Он посмотрел на небо, и ему показалось, что оно тоже смотрит на него; дождь усилился в один миг – и голова Вилли промокла насквозь. Он подбежал к дверцам люка, распахнул их, зашел и тут же закрыл за собой. Он не хотел промокнуть до костей, а потом на холодном ветру возвращаться в дом.

Вилли помотал головой в стороны, чтобы смахнуть с волос холодные капли, повернулся и застыл в изумлении. Нет, он не увидел перемен в подвале, не увидел, что во тьме потухших лампочек кто-то прячется. Он не увидел и сам подвал.

Глава 7

Он увидел длинный, очень, невероятно длинный коридор. Стены и пол были выложены светло-серым, с оттенком бледно-зеленого, кафелем. Коридор был идеально чистым: ни одной соринки на полу. Оттого он даже блестел в тусклом, пожалуй, самом тусклом, искусственном свете ламп.

По двум сторонам коридора находились выдвижные полки, чуть выше – просто полки, на первый взгляд Вилли, заваленные белыми тряпками. Его оцепенение стало немного проходить, он стал потихоньку продвигаться вглубь коридора. Осторожные шаги отдавались длинным эхом, и Вилли было даже как-то стыдно, что он так громко шагает. Стыдно?! Да он просто дрожал от страха, увидев вместо привычного подвала *морг*.

Вилли шел вперед и чувствовал, будто кто-то смотрит позади него. С каждым разом, когда он оборачивался назад, его сердце начинало биться все быстрее и быстрее, а под конец колотилось так, что, казалось, вот-вот разорвется.

Он заметил, что в самом конце этого длиннющего (не то слово!) коридора находится стол для препарации. Тяжелый металлический стол, с канавками для стока крови по краям, с подставкой для инструментов. На этом столе кто-то лежал, но вряд ли Вилли мог быть в этом уверен: *это* было накрыто белой простыней.

Через полчаса – как минимум – Вилли не без страха дошел до этого стола. Он не знал и не понимал, что его так тянуло заглянуть под простыню. Вилли хотелось сказать себе: «Эй, уноси отсюда ноги скорее!» Но почему-то именно сейчас в нем сработал тот животный инстинкт, подталкивающий на попытку достать кусок мяса из капкана.

Он прикоснулся к простыне, но остановился – боялся увидеть под ней себя. Вилли стоял и держался за край белой материи, стоял в нерешительности... и все-таки дернул. Простыня слетела с трупа как чайка, размахивая своими белоснежными крыльями в воздухе. Это был Милтон, но таким, какого увидел его Вилли в подвале-морге, узнать его было практически невозможно.

Сейчас он не был похож на безобидного старикашку с болезнью Паркинсона, опирающегося на трость, который вряд ли мог подняться по высокой лестнице без передышки. *Этот* Милтон выглядел ужасно: мышцы опали и свисали к столу так, что он был похож на желе; кожа выглядела бледно-желтой и мягкой, как пластилин; голова облысела и на всем теле, особенно на лысине, проявились темные, коричнево-фиолетовые пятна. *Трупные пятна*, подумал Вилли.

Мысли Вилли совершенно перепутались. Он не мог сообразить, почему на столе лежит тело Милтона. Он не понимал, зачем и почему здесь морг...

– Куда же я пришел?! – пробормотал Вилли.

– Ко мне, – не открывая глаз, сказал труп.

Вилли медленно попятился назад; когда же труп повернул к нему голову и открыл глаза,

Мерзкие выцветшие глаза с маленькими, как точки, зрачками!

бросился бежать. Когда Вилли развернулся, он увидел длинный коридор. Теперь он еще больше увеличился в длину. Вилли бежал, не оглядываясь, бежал, не обращая внимания на задыхающиеся легкие, бежал, нервно хватая ртом пропитавшийся жутким смрадом формалина и разложения воздух. И все же, как бы он этого ни хотел, и как бы быстро он ни бежал, путь к выходу не сокращался...

Вилли уже знал, что никогда не пробежит до конца этот, с каждым шагом отдаляющий от него выход, коридор. Поэтому у него просто не оставалось другого выбора, кроме...

Он сделал рывок вперед, разогнавшись изо всех сил, и, почти на ходу, резко выдвинул нижний сектор из стены; ловко запрыгнул на пустое место и, ухватившись за крышку сектора и за край уходящей вдаль дыры, задвинул его обратно вместе с собой.

– Что он там так долго копается? – спросил у книги Майк после двадцатиминутного отсутствия Вилли. – Неужели так сложно починить этот сраный генератор? эту рухлядь?

Спустившись в подвал, Майк не обнаружил там Вилли, однако не стал идти искать его и отчитывать за нарушенное слово, а взял отвертку и перекрутил пять болтов-регуляторов, и свет зажегся. Только поздно вечером, когда каждый обратил свое внимание на всякое, как любит говорить Майк, отсутствие присутствия Вилли, друзья спохватились.

– По идее, он уже пять часов генератор чинит, – сказал рассержено Майки. – А я его в подвале вообще не видел! Господи, он уже второй раз так!

– Да, наверное, опять за дровишками решил сходить. Они хорошие, знаете ли, только в одном местечке – за дереvушкой. Всего-то пять миль ходу – пустяк, – отшутился Майк.

Ребята немного успокоились, ведь в прошлый раз Вилли ушел, даже ничего не сказав Майку. А почему он должен говорить? По крайней мере, Майк не его мамочка!

Друзья ждали Вилли примерно до одиннадцати часов вечера, но, когда уже начало прилично темнеть, беспокойство возобновилось и было теперь нешуточным.

Дождь прошел, оставив небольшие лужи на земле и покрыв лес пеленой холодных капель. От леса веяло приятным хвойным запахом, а от всей этой воды – какой-то свежестью, наверное, озоном. В лесу было темно, как в глубоком колодце; так темно, что нельзя было различить абсолютно ничего.

Друзья все-таки решили пойти искать Вилли, взяли фонарики, ружья, на всякий случай; они разделились: Майк и Рэй идут поодиночке, а Ральф сопровождает Милтона. Почему так? Да мало ли что может произойти со стариком! Они бродили по лесу в кромешной тьме, освещая фонариками только небольшие куски *невидимого*. Лучи фонарей мотались из стороны в сторону, замирали и снова рывком бросались во тьму. По лесу слышались крики: «Вилли! Вильям!...»

Ральф и Милтон двигались гуськом, как дети в первом классе. Лучи их фонариков разрезали мягкую плоть сумерек. Луч Милтона дрожал (гребаный Паркинсон), и, если бы у сумерек правда была бы плоть, можно было бы подумать, что Милтон старый садюга. Шагая первым, он бурчал себе под нос что-то про Вилли.

А вот Ральф был больше озабочен своими ботинками, нежели судьбой Вилли. Он шел, уставившись вниз, почему нередко спотыкался, погруженный в свой обособленный от реальности мир.

Крики Майка и Рэя слышались все тише и тише. Ральф их уже не слышал, да он вообще вряд ли что-нибудь сейчас слышал наедине со своими мыслями:

...Неужели и у меня в старости тоже может быть болезнь Паркинсона? Мне очень жалко Милтона. Как он, интересно, наливает кофе? Можно ли пить кофе в таком возрасте? ...А как, он интересно, пишет?..

Ну а Милтон, Милтон, старый дряхлый глухарь, да он бы и пушечного выстрела с пятисот метров не услышал...

Медленно они шли вглубь леса, поскользываясь на мокрой от недавней мороси хвое, которая прилипала к обуви, и из-за которой все ноги промокли, отчего Ральф озяб и иногда подрагивал от холода.

Мягкий, как бы двойной от четырех ног, шорох хвои стих, но Ральф этого не заметил и даже подумал поднять голову, но тут же натолкнулся на остановившегося старичка. Это вернуло его из своего мирка и, опомнившись, он сделал два шага назад. Милтон замер и стоял как мраморное изваяние в музее. Ральф гадал, что могло послужить причиной такой резкой остановки.

Секунд сорок они так и стояли: Милтон впереди, замерший, а Ральф сзади, потирающий свой подбородок и теряющийся в догадках.

Вдруг старик зашевелился. От неожиданности Ральф вздрогнул. Милтон медленно поворачивался, вытягивая свои жилистые, трясущиеся руки к плечам своего нового знакомого. Взглянув старику в лицо, Ральф не узнал там почти ничего Милтонского.

Абсолютно черные, с матовым блеском глаза смотрели вникуда, хотя Ральф чувствовал на себе его взгляд. Ноздри периодически расширялись, хватая воздух, вибрирующий от напряжения. Рот был приоткрыт, и оттуда выглядывали пара больших пожелтевших зубов.

Руки старика достигли своей цели, и теперь они тряслись вместе с плечами Ральфа, который с ужасом и отвращением вглядывался в глубокую черноту тех глаз. Между тем губы старичка зашевелились, и Ральф услышал хриплый голос:

– Ты дурак?

– М-милтон? – Ральф начинал всерьез пугаться.

Но странная внешность обновленного Милтона стала вновь меняться и принимать знакомые очертания. И через пару секунд на Ральфа пялились уже не черные, но все такие же глубокие серые глаза. Знакомые губы вновь зашевелились:

– Ты идешь? – тихо спросили они.

– Ну да, – так же тихо ответил Ральф.

– А куда? – на лице Милтона не было ни тени усмешки.

Ральфа вновь обуял прошедший страх, и он вырвался из странных объятий старика, медленно попятившись назад. Милтон все тянул к нему руки и вновь тихо прошептал:

– Куда ты идешь?

Панический ужас начал закрадываться в озябшую голову Ральфа. Задул ветер, и немногие волосы, украшавшие голову старика, затрепетали. С полдюжины листьев сорвалось с веток и стремительно пролетело мимо.

Ральф думал, что если еще секунду продлится эта неумная шутка Милтона, он закричит... Но его опередили – истошный вопль наполнил Лоствудс с новым порывом ветра. Ральф почувствовал непонятное облегчение и бросился на крик.

– Нора... – губы Милтона растянулись в ухмылке, обнажив уцелевшие зубы. Он опустил руки и двинулся за Ральфом.

Глава 8

– Вилли, Вилли, выходи, подлый трус, – Майк улыбнулся и вновь зашагал, насвистывая что-то непонятное. Честно говоря, его уже начало доставать бестолковое мотание по мокрому лесу – и без того холодно, хотя ему нравилась осень и такая погода, поэтому он смиренно двигался дальше.

Хрусь... позади надломилась ветка. Майк вздрогнул и резко обернулся...

– Черт, дурные белки, – Майк никогда не любил белок. Но сейчас он знал, что это была не белка. Он просто пытался успокоиться и подавить в себе всплывшие воспоминания о ночи-под-лестницей. Хруст... кусты... нет, ему нельзя об этом думать.

Сзади вновь хрустнуло. Майк вздрогнул.

Слева хрустнул еще один сучок. Майк вдруг пожалел, что не остался дома. Еще хруст. Он уверял себя, что не слышал никакого хруста. Ничего, кроме своих шагов. Руки были холодными, в висках стучала кровь. Еще пару минут, и он пойдет домой в «Нору». Вот сейчас... Шаг... другой... третий...

Хрусь...

Ужас раскаленным концом пронзил грудь Майка. Он был готов повернуться и бежать, но застыл, парализованный страхом. Какие-то тени угрожающе роились вокруг него...

Хрустнул сучок.

Майк обернулся, судорожно сжимая фонарь, глаза его расширились, он увидел... ничего... пустота. Черт, такими темпами скоро он сойдет с ума.

Вопль разрезал напряженный Лоствудс. Майк со странным облегчением ринулся к «Норе», откуда донесся крик. А в лесу поднимался ветер...

Ребята, разделившись, разошлись в разные стороны: Ральф и Милтон пошли на юг, Майк – на запад, а Рэй пошел на северо-восток, в сторону озера, на берегу которого бывает так чудесно провести утро в раздумьях. Насколько бы отвратительно-болезненной ни была мысль, что Вилли мог утонуть в озере, все-таки пришлось включить и ее в список возможных вариантов. У вас джек-пот! Вилли утонул в озере с перегрызенным горлом! Поздравляем!

Нет, пропажа Вилли была просто ужасной, и сколько бы неприятных мыслей ни крутилось в голове Рэя, он мог с уверенностью признаться перед самим Господом, что поиски Вилли не прекратятся, пока не будет хоть каких-то результатов. Даже если придется прожить неделю в темном лесу. Рэй так хорошо разбирался в характере друзей, что был абсолютно уверен: они еще не раз будут ездить в "Нору" не смотря ни на какие события, и Вилли обязательно вернется, или они его найдут. Пусть все отшучивались, злились на Вилли, но каждый в душе сильно переживал, – Рэй знал это. А еще Рэй знал, что все будут чувствовать некоторую свою вину, вспомнив слова Вилли: "Не хватает еще заблудиться в лесу... и зачем я, награжденный таким богатым опытом с прошлой поездки, снова с вами еду?!". Рэя бесило единственное "но", единственное непонимание причины того, почему именно Вилли всегда попадает в такие ситуации.

Рэй, подходя к дому, безнадежно вздохнул, увидев ту самую "Нору", безо всяких изменений. По-прежнему окна "Норы" зияли своими черными прямоугольниками, напоминающими что-то ритуальное, наверное, темные могильные ямы. В кармане рука брнчала ключами, раздражая злобных белок, спрятавшихся в своих пентхаузах-дуплах на деревьях. Рэй подошел к двери и встал у порога, ему не хотелось заходить в дом одному, без своих друзей, без Вилли...

"Нора" была не просто местом отдыха, а неким хранилищем памяти, центром связи между друзьями. Здесь были собраны и хранились, аккуратно разложенные по своим полочкам, архивы лучших воспоминаний, пусть всего лишь и за четыре года. Часто, приезжая сюда на уикенд, друзья вспоминали разные смешные случаи, рассказывали друг другу истории. Да и хотелось Рэю надеяться, что так и будет дальше.

Он все-таки решил зайти, может, посмотреть, что есть в холодильнике. Может, именно дом смахнет неприятный осадок в настроении, оставляемый приходящей депрессией, которая была удивительной редкостью для его профессии. Рэй воткнул ключ в замочную скважину, повернул два раза и почувствовал странный запах, исходящий из щели, образованной открывающейся дверью. Рэй увидел несколько блестящих бугорков, выступающих на двери. Запах усилился, вырос в большую вонь, и в носу зарезало от смрада так, что пришлось отступить несколько шагов назад.

Дверь медленно и тяжело, со скрипом, открывалась. Рэй заглядывал внутрь коридорчика, являвшего собой еще и прихожую, но не увидел ничего необычного, и обратил внимание на дверь со внутренней стороны, теперь отворившейся до

конца. Легкие Рэя выпустили весь бывший в них воздух, весь до капельки, на мгновение замерли бездыханно и снова набрали полную грудь. Рэй закричал.

На двери висел труп, и Рэй был шокирован в первую очередь не его видом, а его позой. Труп был распят будто на кресте, как распяли Иисуса: ноги вместе, руки вытянуты, но только голова была наклонена вниз. Ладони и локти, ступни и колени были пробиты гвоздями, окруженными бордовыми пятнами крови. Труп разлагался: некогда бледная кожа почернела; уже не держащиеся волосы клоками сдувал с головы ветер; правый глаз стек по щеке, в нем и в приоткрытом рту извивались опарыши; по ногам, чуть касавшимся пола, бегали муравьи, а с подбородка на щеку перебегал коричневый таракан со светлым рубцевидным брюшком. Тот, кто сделал это, скорее, еще до смерти вырезал на лбу трупа крест, кровь запеклась и стала черной.

Совершенно голый труп какого-то парня был настолько обезображен, что его невозможно было бы опознать, но через окровавленную гнившую кожу, через первобытный страх, исходящий от трупа, можно было увидеть на его лице маску страдания и невыносимой боли. Маску смерти.

Рэй не мог понять что, но что-то в этом изуродованном трупе ему сейчас казалось знакомым, но что именно – он не знал. Это и пугало его до смерти.

Рэй кричал, а в его голосе стал пробиваться хрип; он все пятился назад, споткнулся, оперся руками о землю, но не сводил безумного взгляда своих округленных глаз.

Глава 9

Милтон, Ральф и Майк бежали к «Норе», закрываясь руками от хлещущих по лицу веток. Сердца бешено колотились. Уже скоро сквозь лесные дебри стал виднеться огонек над крыльцом дома, руки развели мохнатые лапы пушистых кедров, и дом показался.

Рэй сидел на траве перед входом и орал, уставившись на открытую дверь. Его руки дрожали, а лицо уже покраснело от громкого крика. Он орал изо всех сил, и они понемногу стали иссякать. Ральф и Милтон подбежали к Рэю.

– Рэй, что случилось? Что ты увидел? – успокаивал Рэя Ральф. – Тут кто-то есть?

Напуганный до смерти Майк, ничего не выслушав и никого ни о чем не спросив, забежал в дом. Включив свет, Майк ожидал что-то увидеть и увидел... самую обычную «Нору». Майк просто взбесился, выбежал на улицу, подошел к Рэю (тот еще не отошел от шока), пнул его под зад, сопроводив пинок словами: «Большая ты свинья, а хуже малого поросенка», и зашел обратно в дом; Ральф и Милтон, да и сам Рэй смотрели на Майка дикими глазами, но все-таки могли, хоть и с трудом, мотивировать этот пинок испугом и стрессом Майка.

Кое-как, спустя полтора часа Рэй рассказал, что увидел на двери; губы его дрожали, и слова вылетали порой невнятные, но, слушая его рассказ, все для себя отметили, что что-то неладное происходит с ними. Ральф приготовил ужин: спек свой любимый пирог. Поужинав, ребята еще долго сидели на кухне. Молча. Майк иногда вставал с места и нарезал круги, о чем-то думал, а иногда вглядывался в окно, но в любом случае, он не мог ничего понять; Ральф с Милтоном сидели, искоса поглядывая друг на друга и стараясь остаться незамеченным; Ральф думал о том, что произошло в лесу, до крика Рэя.

Рэй сидел за барной стойкой, тупо впившись некогда понимающими и блещущими бесстрашием и храбростью глазами в пол. Он начинал понимать, что матерый профессиональный психолог – всего лишь маска, скрывающая обычного смертного, у которого есть свои страхи, который когда-нибудь тоже не сможет выбраться из трудной ситуации. Который намочил штаны, увидев на входной двери своего дома распятый труп.

Ночь давным-давно наступила, но спать никому, кроме, как казалось, Милтона, не хотелось.

– Утром сразу же отсюда убираемся, – вырвалось у Рэя.

– Рэй, а Вилли? – упрекнул его Ральф.

От этих слов на голову Рэя как будто упал камень. Он не мог смириться с мыслью, что придется провести в этом чертовом лесу еще какое-то время. День. Сутки. Несколько дней...

Милтон проснулся от тревожного сна. Он резко скинул с себя одеяло и встал с кровати, воткнувшись ногами в холодные тапки. Им овладевало наихудшее для него из чувств – одиночество. Ему казалось, будто новые друзья его покинули, и он больше никогда не увидит их. Старик поплелся в соседнюю комнату, но в ней никого не было; тогда он чуть ли не бегом спустился со второго этажа и, увидев, что на первом тоже нет ни души, закричал на весь дом: «Боже, только не это!..» На его глазах проступили слезы, а руки стали дрожать сильнее прежнего.

Майки сидел на своем диванчике. На своем любимом и неповторимом диванчике, который он привез в «Нору» из старой квартиры, с которым связаны такие сладкие воспоминания... на котором он впервые занялся любовью со своей первой девушкой. Майк с удовольствием откусывал от куриной ножки, которую держал в одной руке, в другой у него находился маленький пульт от ящика, показывающего морские волны и пестрый снег в черно-белом варианте.

В кресле рядом ворочался и постанывал во сне Милтон. Майк кидал на него быстрый взгляд, испытывая не то отвращение, не то ненависть. Майку не нравился этот старикан.

Милтон плавно скатился с кресла и упал на пол, сразу же проснувшись и вскочив на ноги. Он выкрикнул «только не это», а Майк покосился на него, сильно удивившись, будто Милтон не хотел, чтобы переключали канал. В

комнате воцарилась тишина, нарушаемая лишь голосом из динамика телевизора: «Теперь ты стал джедаем, юный Скайуокер!»... В комнату зашел Ральф, держа чашку с чаем и помешивая его ложкой, и уставился выпученными глазами на Милтона.

– Что тут у вас? – спросил он. – Милтон, вы проснулись!

Милтон жил в «Норе», то есть в своем лесном домике, уже потом, четырьмя друзьями названном «Норой», много лет. Сколько именно – трудно припомнить, но это уже не столь важно. Старик любил домик так, как его не любил никто другой. Сам он не мог дать этому объяснение, но, кажется, причиной этому стала смерть его жены.

Это произошло летом восемьдесят третьего.

Врачи поставили Мег диагноз «лейкемия», но Милтон им не верил. Он видел, что его жена разлагалась заживо: под глазами надувались кровяные мешки, похожие на среднюю стадию геморроя, ее кожа становилась липкой и бледно-желтой с каждым днем все сильнее. Через пару недель она перестала ходить, еще через три дня мочилась под себя... Милтон порой часами сидел у ее кровати и молча плакал, отвернувшись к окну. Болезнь протекала очень медленно, несколько месяцев, если не полгода, но он замечал изменения каждую минуту, каждое мгновение. Где-то в его голове тикали маленькие часики, и Милтон знал, что это совсем не от нервного перенапряжения. Это тикали часики, отсчитывавшие последние дни жизни Мег. Хотелось разбить их, заставить, наконец, заткнуться, чтобы хотя бы не слышать приближение смерти самого близкого в жизни человека.

Однажды Мегги совсем перестала есть. Она отказывалась даже от водянистых каш и самых жидких супов, не говоря уже о таблетках с водой, а Милтон не мог ей перечить: он не мог заставить ее мучаться, с трудом глотая эти мерзкие пилюли, даже для ее собственного же блага.

Так прошло еще три дня. Милтон все сидел на стуле у кровати с утра до вечера, с вечера до утра. Он не мог позволить себе спать, зная, что в любой момент... Иногда его глаза начинали закрываться, все темнеть...

Так, проснувшись однажды ранним утром в красно-оранжевых лучах жаркого августовского солнца, Милтон увидел Мег. Она не дышала.

Милтон и Мег провели свою брачную ночь в доме в лесу. Жених купил его еще до свадьбы, хотел сделать Мегги подарок. Так, проводя в доме уик-энды, праздники и просто свободное время, они очень полюбили его. После смерти жены, Милтон хотел продать «Нору», но не решился, подумав, что Мегги не одобрила бы этого; позже Мил стал появляться в «Норе» все чаще, скучая по прежним временам и по любимой, а потом и совсем перебрался туда жить.

Глава 10

– Я не могу представить, как она тогда умирала. Может, звала меня своим ослабевшим, тише мышинового писка, голосом... Хочется надеяться, что она умерла во сне, спокойно, – по щеке Милтона прокатилась крупная слеза, оставляя за собой мокрый след, постепенно уменьшаясь.

Ральф, Майк, Рэй и Милтон сидели за столиком на кухне. В продолжение всего рассказа старика друзья молчали: их действительно поразила такая грустная история. Даже Майк, ненавидевший его, сейчас смотрел в его мокрые глаза и мысленно сочувствовал.

– Майк, сгоняй за дровами! – донесся крик Рэя из туалета. – Тут холодно!
Майк что-то забурчал и стал одевать кофту.

Возьму топор, пойду в лес, недалеко; срублю небольшое деревце, притащу поближе к дому и уже потом разрублю на поленья. Вот и все! Но если я услышу, хотя бы как ветка сломается, если я услышу, хотя бы как мышшь пернет, – то не забуду, что у меня есть топор.

В «Норе» было тихо, только Милтон похрапывал на кресле. Он опять ворочался и почти скатился со своего ложа. Ральф тоже мирно посапывавал на диване. Бросив на него небрежный взгляд, Майк вышел, громко хлопнув дверью. Задница Милтона громко попрощалась с ним, сказав «пр-рр-р». «И тебе до свидания...» – прогавкал Майк.

Выйдя за дверь, он замер.

Лес постепенно скидывал свою тяжелую листву, будто невесомую накидку. То тут, то там беззвучно падали оранжевые листья. Это выглядело так же приятно, эротично, возбуждающе, наконец, как раздевающаяся девушка. Проходя дальше, как бы раскрывая занавески или, вернее, заглядывая под его юбку, лес становился все прекраснее и ярче: желтые листья становились оранжевыми, оранжевые – красными, стволы и ветви деревьев – чернее, а пробивающееся сквозь кроны сосен небо обретало более насыщенный синий цвет.

Секунд через десять Ральф проснулся, наверное, разбуженный хлопнувшей дверью Майком; он потер глаза кулаками, зевнул и, шатаясь, не отойдя еще от сна, направился к двери. Рука коснулась дверной ручки, затертой до черноты, и толкнула ее вперед. Дверь со скрипом отворилась.

У порога стоял Вилли. Он смотрел сквозь Ральфа стеклянными глазами.

– Вилли? – послышалось шипение Ральфа. – Где ты был? Что с тобой?

Ральф медленно протянул руку, чтобы положить на плечо Вилли, но что-то произошло...

Майк остановился, отмерив сто двенадцатый шаг. Он услышал шуршание позади себя, как будто кто-то наступил на листья, крадучись за ним.

– Я знал, – сказал он вслух. – Я так и знал.

Майки крепко схватил топор обеими руками, развернулся и замахнул им над собой. Руки застыли в воздухе и, расслабившись, выронили оружие. Позади Майка стояла девушка в ночнушке. Низ ткани – вышитый замысловатыми узорчиками и завитушками – бежевого цвета пожелтел и помялся, верх выглядел едва ли лучше. Она стояла и смотрела Майку прямо в глаза.

Майк дивился красоте ее глаз. Большие карие глаза ярко блестели (они блестели так, что Майк увидел в них свое собственное отражение), девушка улыбалась. Но она смотрела на Майка таким взглядом, будто он провинился или сказал полнейшую глупость. Этот взгляд так и сверлил его, но не обычно, а с особенной силой, не похожей на подобную силу других людей. Ему почему-то стало стыдно, он покраснел и потупил взгляд, робко сказал «Привет».

Майк, посмотрев вниз, увидел, что острый топор воткнулся в кончик его темно-серого, мокрого от воды ботинка углом лезвия. Он опомнился, поднял голову, но... ничего. Девушка пропала. Ярко сверкнула молния. Подхватив топор, Майк ринулся обратно к дому.

Вилли дрогнул. Вернее, так показалось Ральфу, стоящему с вытянутой вперед рукой и с глазами навыкат. Вилли неестественно накренился в бок и стал опускаться: голова поникла и коснулась подбородком груди, полностью закрыв горло, на шее показались синие вены; ноги стали сгибаться, но не только в коленях... Тело Вилли рухнуло на землю, как тряпка, будто в нем не было костей. Челюсти Ральфа стали стучать, точно при простуде. Его вытянутая рука осторожно потянулась к ручке открытой двери. Ральф закрыл ее.

Рэй, увидев Ральфа, стоящего у двери, подошел к нему сзади и, кусая золотистое куриное крылышко, шутя, спросил: «В чем дело, док?»

Майк, бежавший сломя голову, появившись из кустов, заметил, что дверь в дом только что закрылась. Сбавив шаг, он приблизился к двери уже спокойно. Майк, не задумываясь, автоматически открыл дверь и увидел Ральфа...

Тот смотрел в ноги Майку, будто он наступил на маленькую несчастную мышку... смотрел, а потом вдруг снова закрыл дверь. «Че за?..» – послышалось за дверью.

Рэй наблюдал за всем этим, немного не понимая, что происходит... немного? Да ему казалось, что его крыша съезжает! Он хотел было открыть ошарашенному Майку дверь, но Ральф остановил его словами, произнесенными самым осторожным и тихим, как падение осеннего листа, шепотом: «Н-не надо.»

Необъяснимость усиливалась с каждым мгновением. Однажды, вежливо постучавшись в дверь «Норы», она вошла сюда легким и спокойным шагом, а теперь все было наоборот: она сотрясала стены дома своими тяжелыми шагами, врывается во все живое и неживое, она буквально переворачивала все вверх дном. Вопросы, вроде «Где же пропадает Вилли?» сменились «Как бы отсюда убраться к чертовой матери?!», а спокойный рациональный взгляд на вещи стал похож на картины Сальвадора Дали.

Все сидели по разным углам, думая о чем-то своем, занимаясь чем-то своим, делая вид, что ничего не происходит, что все в совершенном порядке, и скрывая в самом затерянном уголке мозга самую правильную мысль. *Что же это? Что это за чертовщина? Что происходит?*

Какого хрена в конце-то концов, как говаривал Альберт Эйнштейн...

Майк сидел у окна, опершись головой о холодное стекло. От холода не спасал даже свитер. Впрочем, *от холода ли холодно?*

За окном шел дождь. Он уже лил около двух часов и останавливаться, похоже, не собирался. Монотонные звуки ударов слышались везде: дождь стучал по железной крыше, по окнам... Майк сидел у окна и думал о Вилли. Он и представить не мог, где может быть Вилли. Может, он в деревне? Ищет помощь? машину? Может, заблудился в лесу, замерзает под дождем?

Ральф стоял у плиты, на которой варился в турке кофе. Черная жидкость покрылась светло-коричневой пенкой и пузырилась – кофе начинал закипать. Еще минуту, и он закипит, а тогда будет поздно. Кофе потеряет свой бодрящий аромат, и можно будет смешать его с льющимся за дверью дождем. Но Ральф был занят не этим: он копался в шкафчике над плиткой, перебирая пакетики со специями и приправой. Ральфу нужен был один такой... ну, не совсем такой. Он искал особый пакетик, который, должно быть, единственный поможет прогнать тревогу, тоску, отчаяние, депрессию, да что там еще...

– Что сейчас с девушкой? Она же одна в лесу, в тоненькой ночнушке, замерзает и кашляет! Она, наверняка, давно промокла и простыла! И ее прекрасные глаза сейчас в слезах... Она зовет на помощь... Да что же! – тихонько размышлял вслух Майк, смотря на лужи за окном.

Вдруг он соскочил с холодного деревянного подоконника, схватил куртку. Он не мог позволить себе просто сидеть в доме, в относительном тепле и уюте, когда в лесу, возможно, умирает девушка... просто не мог. Он должен пойти и отыскать ее.

– Майк, ты куда? – автоматом кинул Ральф, не обращая внимания и даже не повернувшись в ту сторону, откуда донесся скрип, а затем удар двери.

«Прогуляться» – ответил про себя Майк, выйдя на улицу. Дождь был точно таким холодным и больно бьющим, как и представлял Майк. Волосы промокли вмиг, даже не успев укрыться капюшоном. Зубы застучали; организм почувствовал угрозу, стали выделяться лейкоциты – нос засопливил. *Где ты, где ты, звучало у Майка в голове, ну где же ты, я уже иду, дай мне знак, скажи, где ты...*

Глава 11

Ральф перерыл все шкафы, специи попадали, некоторые рассыпались. Беспokoйно поднимая клубочки порошка ботинками, Ральф не мог стоять на месте – он метался от шкафа к шкафу. Корица, перец и что-то еще смешались на полу в новую фирменную смесь шеф-повара, он выбежал из кухни, вспомнив, что ее спрятали еще летом,

когда друзья приезжали в «Нору» на уик-энд.

Ральф метнулся к стеллажу с книгами и устался на ряды. Быстро пробегая пальцем по названиям («Воскреситель», «В волнах заката», «Вне времени»⁷), он вспоминал место. Палец перешел со второго ряда сверху на третий, стал двигаться слева направо и вдруг остановился. Ральф подцепил «Ворона» По и выдернул с полки, а затем и его соседей. За книгами находилось пустое место. Вернее, не совсем пустое. Ральф сдул пыль, разлетевшуюся во тьму за стеллажом. За книгами лежал тот самый пакетик, который он искал.

Он взял желто-серый, измятый и засаленный пакетик, кулек, набитый чем-то мягким и шуршащим. Рядом лежала курительная трубка. Ловким движением пальца Ральф выбил содержимое трубки на полку стеллажа, смахнул подальше, подцепил из пакетика порцию *травки* и набил ей трубку вновь. В пакете находилась марихуана: темно-зеленые засушенные листочки, похожие на чай, и маленькие светло-коричневые шарики-семена. Из этого же кулька Ральф достал коробок спичек. Он знал не только то, что кипение не оставляет в кофе особого аромата, но еще и то, что бензиновая зажигалка не оставляет аромата в травке.

Майк сидел на бугорке у старого дуба, привалившись спиной к стволу дерева. Дождь не только не останавливался, но становился еще сильнее: вокруг по опавшим листьям хлестала вода.

– Я знаю, что ты придешь, как пришла в первый раз, – сказал лесу Майк, обернувшись за ствол дуба. – Ты ведь где-то рядом, не так ли? Ну покажись! Покажись же...

Он сидел, ежесекундно бросая ловающий что-то или кого-то взгляд на кусты, на деревья, в темноту леса, на серое свинцовое небо. Ни падающий лист, ни белка, высунувшая свою мордочку из дупла, посмотреть, не кончился ли дождь, – ничто не оставалось незамеченным.

Так Майк просидел, промокнув под ливнем, часа три. Может, больше. Но он так и не увидел ту девушку, которую в первый раз до смерти испугался. И полюбил.

– Где же этот Вилли? Ну куда он мог запропасться? Разве что, исчезнуть в другом измерении? – думал Майки по пути домой. Он шел и шел, ничуть не удивляясь тому, насколько далеко зашел в лес, и тому, что и сам может заблудиться.

Пропасть.

Просто исчезнуть как Вилли.

Первое, что увидел Майк, перешедши порог дома, – клубы белого дыма, выходящие из прохода в комнату. Сначала он испугался, думал, что это что-то загорелось, что может быть пожар, но успокоился почти сразу, почувствовав знакомый запах дыма. Точно так же пахнет благовониями в восточных забегаловках и китайских магазинчиках (и чем это они там дышат?). Запах был настолько приятным, что хотелось просто упасть на пол и валяться, вдыхая белые тучки-барашки, упасть не от усталости, а от удовольствия. Но упасть было плохой мыслью: на полу были рассыпаны приправы, кофе и разбросаны чайные пакетики. Майк направился в проход, разметаая руками дым.

На его диване сидел, болтая ногами, Ральф. В левой руке у него была дымящаяся трубка, а в правой он держал за ярлычок на ниточке чайный пакетик, собираясь опустить его в рот. Заметив краем глаза вошедшего Майка, Ральф повернулся к нему, и его рот расплзся в тупой, бессмысленной улыбке. Майк в недоумении смотрел на друга.

– Что ты делаешь, Ральфи? – спросил он.

– Рэй спит, Милтон ушел, – не заставив себя ждать, прозвучал ответ. – Вот дураки!

С тех пор, как Милтон рассказал друзьям грустную историю про свою жену, ребята перестали с ним общаться. Не в прямом смысле, конечно, но все сводилось к «передай-мне-соль» за столом. Увидев Милтона, мирно сидящего в уголке, можно подумать, что он вспоминает былые времена, жену, поэтому проходишь мимо него, стараясь не отвлекать по пустякам, понимая, что у него тяжело на душе.

Милтону же наоборот, хотелось общаться. Он до смерти боялся одиночества, особенно – после смерти жены. Перебравшись в «Нору», он не мог долго находиться один: ночами мучили кошмары, днем приходила смертная

тоска. Старик не мог не поделиться, не рассказать о своих чувствах, ему было плохо. Так, в Лоствудсе он познакомился со старухой Лорейн, такой же странной, как и он сам. Их что-то связывало. Может быть то, что они были одни.

Порой Милтон видел, что кто-то из ребят прошел мимо, ранее явно намереваясь что-то спросить или сказать, но передумав, увидев его размышляющего о чем-то. Он был совсем не против беседы, ему даже хотелось, чтобы с ним кто-то поговорил. Заканчивалось все тем, что он проводил проходящего тревожным, *жадным* взглядом, соскакивал с места и догонял его, расспрашивая, что тот хотел.

Оттого старику казалось, что все его старательно избегают.

Потом Милтон и сам перестал с ними говорить. Теперь они становились ему чужими

(*Врагами?*),

не такими, какими показались при первой встрече. Теперь он бросал на них сердитый, а, может быть, даже враждебный взгляд.

Заканчивался еще один день. Не случилось ничего нового: все так же нет Вилли, все так же хочется смотаться из этого проклятого места, все так же ищется способ чем-то себя утешить, все так же страшно смотреть в ночной лес. Все тот же страх. Зато начиналась новая ночь, неизвестно, что несущая с собой. Кто пропадет? Кто появится? Кто на этот раз будет сидеть в углу, схвативши колени и раскачиваясь взад-вперед, стуча зубами от страха и безнадежности?

В доме горел свет в трех комнатах – в спальне наверху, внизу и на кухне, – генератор жалобно трещал; а снаружи становилось темней: огромная тень ложилась на лес, поглощая все остальные. Где-то выл на луну волк.

Рэй проснулся от страшной головной боли. Вены пульсировали, гоня кровь, глухая боль чередовалась резкими острыми спазмами. Кровь лупила по мозгу. Каждый такой удар все звуки становились отдаленными и тихими, а в глазах темнело. Рэй пошел в кухню, надавив со всей силы кулаками в виски. Ноги шагали медленно, не слушались, – боль туманила сознание. Он дошел до кухни и, не поднимая глаз, спросил:

– Где таблетки?

Ральф и Майк смотрели на него секунд пять, но, заметив, что его руки дрожат, все сильнее вдавливая костяшки кулаков в виски, очнулись.

– Какие надо?

– От головы, – сквозь зубы пробурчал Рэй. – Ну, быстрее!

– Не от, а для головы, – заметил Майк. – От головы только топор есть! В кладовке посмотри. Там где-то аптечка должна валяться. Вообще-то, валяться она не должна, но Ральфи тут все перевернул вверх дном! Видел?

– Зеленая такая, с белой ручкой, – закончил Ральф.

Рэй повернулся и снова медленно поплелся в комнату.

Дверь кладовки находилась в дальнем углу левой стены в комнате с лестницей. Там валялась не только зеленая, с белой ручкой, аптечка, но и

стальные ведра, метла, куча разных тряпок, пустые бутылки и даже пара номеров «Плейбоя», а также килограммы пыли и паутины.

Так как в глазах было темно, а в голове гудело, Рэй шел с вытянутой рукой, чтобы нащупать ручку двери. Он прикоснулся к ней, когда услышал *это*.

Глава 12

Сначала показалось, что это всего лишь ветер, поднимавшийся за окном, но звуки доносились из-за двери, перед которой он стоял, а за ней был чулан – ветра там никак не могло быть.

Вдруг глаза Рэя широко распахнулись, он замер. Он думал, правда ли то, что он слышит, слышит ли он это на самом деле или нет...

Это слышат все или только я? Может, это лишь последствия головной боли? Ну да, а как же труп на стене?!

– *Уходи*, – повторил голос из чулана.

Комнату освещал свет лишь из прохода на кухню, за окном же был сумрак, в котором побоялся бы остаться не то что ребенок – даже взрослый человек. Лысеющие ветки деревьев тянулись к тебе, как скрюченные пальцы, почерневшие во тьме и скрипящие, пусть даже и в подсознании...

Так же напряженно скрючились пальцы Рэя, ухватившиеся за круглую дверную ручку. Новая волна боли ударила в голову, и Рэй повернул ручку.

Казалось, он видит обычную кладовку: хлам, пыль и темнота. Но одно было не так, как обычно: сейчас тут было ужасно холодно.

– *Уходи*, – снова повторил голос.

Рэй обратил внимание, что в темном углу что-то зашевелилось, что-то очень бледное. Вдруг из темноты показалась рука. Это была неестественно бледная рука в бежевом рукаве. Женская рука. Она стала медленно подниматься вверх, попутно складываясь в жест «тихо!». И тут из холодной темноты угла показалось лицо: девушка выглядела испуганной, на ее лице было выражено что-то вроде «сожаление плюс страх». Она осторожно приложила указательный палец к губам: ее жест не выглядел как «тихо!», он выглядел как «ой, я нечаянно убила всех твоих друзей...»

– Тихо! – Рэй чувствовал, как из ее рта выходят невидимые клубы ледяного пара. – Ты должен уходить отсюда!..

– Что вы тут делаете? Куда уходить? кругом лес! Почему уходить?! – Рэй сам не знал, ответ на какой вопрос он хочет получить вперед.

– Уходите куда угодно – уходите отсюда! – сказав эти слова, она снова скрылась во тьме угла.

– Зачем вы прячетесь? – Рэй вглядывался в то место, где она исчезла. Он протянул руку и включил свет.

В чулане было пусто.

Боль... она возобновилась, пульсация началась снова. Левое веко стало дергаться. Рэй с силой зажмурил глаза, открыл.

От девушки не осталось и следа. Теперь казалось, что это был всего лишь сон, только что прошедший.

Я чего-то не понимаю? Я только что видел призрак?

Рэй захлопнул дверь, постоял немного, но вдруг снова открыл ее. Взял дрожащей рукой лежащую на тумбе открытую аптечку, уронив несколько пластин с таблетками, и снова закрыл дверь.

Он беспокойно и нервно перебирал пластины с таблетками, читая их названия, ненужные падали на пол, но вдруг он остановился, выдавил из очередной пластины все таблетки и – даже не взглянув на название – разом отправил их в рот. Что в тот момент крутилось в его голове? Он только что осознал, что увидел, на самом деле это был далеко не сон, он видел ее наяву, он мог до нее дотронуться, но что же он делал? Стоял и смотрел с выпученными глазами? Что могли сказать остальные, увидев его таким? Теперь не все ли равно, что он заглотил пол-упаковки совершенно непонятных таблеток? и к каким последствиям это может привести?

Рэя затошнило, так сильно его еще никогда не тошнило, казалось, сейчас все внутренности вывернет наизнанку; он встал на четвереньки, как собака, открыв рот и изо всех пытаясь дышать. Его сильно затрясло: руки слабели и уже не выдерживали его собственный вес, правую ногу сводили судороги – она бешено билась по полу. Рэй рухнул и ударился лицом о пол, но боли он уже не почувствовал; из носа хлынула кровь, мигом пропитав воротник рубашки. Кончик языка, прикушенный зубами, сначала посинел, а затем побагровел.

Последней частичкой своего уходящего на ту сторону сознания Рэй почувствовал этот мерзкий металлический вкус – вкус крови. И еще: кто-то стоял рядом. Рэй из последних сил попытался поднять голову. Кровь стекала из носа по подбородку.

Перед Рэем стоял Милтон и просто смотрел на него.

– М-милтон! Помоги... – протянул Рэй и уронил голову без сил.

Ральф и Майк услышали глухой звук, донесшийся из комнаты, и незамедлительно забежали туда. Рэй валялся на полу, а в области головы расплзалось красное пятно.

Майк издал жалкий вопль отчаяния, увидев Рэя, Ральф, приподняв его голову, стал бить его по щекам, пытаясь вернуть в сознание. Рядом лежала пластина валиума⁸.

Пустая.

В дверь ударили.

От чересчур сильного удара стекло панорамного окна затрещало, а со стеллажа упала фотография в рамке, на которой были все четверо. Вилли, Рэй, Майк и Ральф.

Второй удар не заставил себя ждать.

– Ральф! – Майк посмотрел на него жалобными глазами и рванул на второй этаж.

– Майк, стой! Как же Рэй?! – Ральф встал, в последний момент поняв, что держал на коленях голову Рэя, зажмурился, услышав глухой звук, когда она снова упала на пол, и ринулся наверх.

Майки стоял в туалете, выглядывая из двери. Ральф забежал в туалет, они закрыли дверь на защелку, стали прислушиваться. Внизу стало тихо.

– Майк, тебе не кажется, что творится много странных вещей?

– Кажется.

– А мне иногда кажется, нет, я уверен, что все началось тогда, когда в «Нору» пришел Милтон, – начал Ральф. – Все мы сразу стали какими-то дикими. Сначала я думал, что это от непривычки, что в нашей компании появился лишний человек, но эта дурацкая атмосфера держится и до сих пор! – Ральф смотрел прямо в глаза Майку. – Милтон, он как какой-то источник всего этого зла, которое с нами происходит. Он сам этого не подозревает, но я знаю, что все происходит только тогда, когда он рядом! В нем есть что-то очень нехорошее.

– Ральф, что же мы наделали! Мы с тобой сидим тут, а с Рэем творится черт знает что! Он же там один! Ему нужно помочь. Тем более, там, внизу, кто-то есть!

– Ты меня слушал?

Майк открыл дверь, но остановился.

– Да, слушал. Атмосфера держится. Даже сейчас... Ты ее держишь!

Они стали выходить из туалета. В доме стояла абсолютная тишина, если не считать беспокойного дыхания и скрипучих шагов Ральфа и Майка.

Глава 13

– Я... Ты иди... – Ральф выглядел испуганным.

– Я тоже боюсь. Ладно, стой здесь. Я спущусь, потом позову тебя, – ответил Майк.

Ральф видел, как он стал спускаться по лестнице медленно, а потом ускорил шаг. Послышалось «Срань Господня!»

Внизу лежал Рэй. Лужа крови под ним закрыла собой половину всего пола комнаты, одежда Рэя была наполовину снизу черной. Входная дверь вертелась на расшатавшихся петлях под порывами свистящего ветра.

Майк склонился над Рэем, который казался ему уже мертвым. Ему чертовски не хотелось осознавать, что он теряет еще одного друга. Вилли, Рэй... кто дальше?

Может, Рэй еще жив?

Рэй лежал лицом в луже собственной крови. Теперь Майк понял, что так сильно заставляет маньяков – вроде тех, что когда-то приходили к Рэю на прием, а теперь сидят за решеткой – убивать людей: Майка завораживала безгранично глубокая чернота крови в лунном свете.

Неожиданно отметив это для себя, Майк почувствовал в комнате чье-то присутствие. Подняв глаза, он увидел, что дверь довольно быстро открывается, но ее никто не открывает. Она громко ударилась о стену и остановилась. Стало холодно.

Очень холодно.

Еще Майк почувствовал, что по полу стал тянуться холод, но не из открытой двери, а позади...

Привет.

Ледяная рука коснулась плеча Майка, отчего он резко обернулся. Перед ним стояла та самая девушка, которую он видел в лесу, которую он звал, в которую он влюбился... с которой он поздоровался, а она промолчала тогда и ответила теперь. Он узнал ее сразу же, с первого мгновения, как только увидел ее, даже в сумраке при свете луны.

Его пробрал мороз – по спине побежали мурашки; Майка уже не волновало, что рядом лежит бездыханный Рэй, что какая-то девушка каким-то образом оказалась в доме, сейчас он был занят другим: он не знал, что ответить ее единственному слову.

Привет.

Это ее скромное, но и дерзкое «привет» прозвучало так кстати... Может, она и не говорила этого, а Майк сам додумал эту жуткую «изюминку» для такой ситуации? Кто знает, но факт, что сейчас, именно в данный момент она находится здесь...

Она обошла Майка, как мартовская кошка мартовского кота, направилась к выходу, переступив Рэя, обернулась и позвала его пальцем за собой. Майк не мог пошевелиться в нерешительности. С одной стороны, да кто она такая? Но с другой – ее глаза... Они звали его то так нежно и ласково, то все более настойчиво и упрямо (и ласково), то и вовсе заставляли и приказывали. Ее глаза...

Грустные глаза...

Майк пошел.

Ральф сел на пол, прислонившись к перилам лестницы, когда Майк спускался.

Ему казалось, что, когда Майк станет спускаться и увидит *то, что там произошло*, то он уже не сможет остановиться: *это* его загипнотизирует, парализует его и так не светлый разум, чтобы оставить Ральфа одного здесь, в проклятой «Норе», сгнивать в этом чертовом доме, прятаясь от всего.

Снизу доносился лишь топот ботинок Майка и шорохи – мерзкие звуки. Ральф сидел и ждал, когда, наконец, Майк позовет его, но он не звал... и не

звал... Шаги остановились на минуту, а потом, снова начавшись, постепенно стихли.

Он ушел? Он ушел?! Просто ушел? Поверить не могу! А еще говорит, что я держу эту атмосферу! Ну куда же ты поперся? Только не это! Спасибо тебе, Господи, за то, что воплотил самые мои худшие страхи в реальность! Я один. Нет, не могу, я должен его...

Догнать.

Ральф соскочил и испугался, что не подумал о том, что может увидеть внизу. *Рэй. Кровь. Открытая дверь.*

но останавливаться было уже поздно. Он бежал. Его коричневый замшевый ботинок с толстой резиновой подошвой свистнул, скользя по луже крови Рэя – вся душа Ральфа в один миг сжалась в комок от этого звука.

Еще одно усилие и...

Еще чуть-чуть!..

И... ну же!

Рэй открыл левый глаз. Ресницы, слепленные бордовыми сгустками крови разлеплялись неохотно и неприятно; сразу же в глаз попала кровь. Голова все еще болела, но уже не так сильно, и несмотря на то, что он ударился и мог получить сотрясение. Двойное. Веки, оказалось, стали такими неподъемными, что опустились вновь.

Рэй не помнил ничего, что видел, когда был в обмороке, если, конечно, что-то и видел. Думал, что в подобной ситуации увидит длинный тоннель со светом в бесконечном «далеком далеке» или как парит над своим телом. Так представлялась ему клиническая смерть с самого детства, а сейчас все представления разрушились. Но почему?

– Потому что на самом деле все гораздо хуже, – прохрипел он вслух, отчего к горлу сразу же подкатило.

Рэй оперся левой рукой о скользкий холодный пол, немного приподнявшись – рука дрожала, и, казалось, не выдержит и некоторой части его собственного веса –

81.0 кг,

как показывали несколько дней назад электронные весы в его кабинете.

Рэй следил за своим весом, но сам не знал, для чего. Он не толстел и не худел, но следил за своим весом. Просто когда-то это вошло в привычку. Иногда, стоя на весах перед зеркалом в отделенной перегородкой части кабинета (там он переодевался, набирал воды в стакан для очередного «пациента» и, конечно же, взвешивался), Рэй говорил сам себе вслух: «Я не толстый. Я нормальный.

Нормального веса». И действительно, толстым он не был – так считали даже самые тощие его посетители – однако сам он иногда сомневался.

К горлу подкатило снова.

Рэй зажмурил глаза и открыл рот. Из рта хлынула потоком рвота. Никаких кусочков в ней не было, только мерзкий жгучий и сладковатый вкус желудочного сока, чем-то напоминающий уксус.

Однородная блевотина. Я давно уже нормально не ел. Только Будвайзер и дурацкая стряпня Ральфа. Вот и похудею. И я не толстый.

Бледно-белая жидкость, как молоко, разбавленное водой, что продают в тетрапаках в любом супермаркете, даже в лавке Госслина, потекла из уголка рта по подбородку. В комнате было холодно, а она была такой теплой, что хотелось размазать по всему лицу, чтобы согреться. Но Рэй не стал: остыв, она стала бы холодной,

как ее дыхание.

Еще один порыв рвоты.

Тут он не успел убрать руку, и она вся покрылась липкой и вязкой массой. На полу она смешалась с кровью. Прибавить к этой ядерной смеси то месиво, что сделал на полу Ральф, когда обкурился, все эти таблетки, которые сожрал Рэй, получился бы, наверное, героин.

У Рэя иссякли последние силы, что он держался на руках; он скользнул на пол, но мягко, повернув голову вбок, и лег в эту лужу. Тогда это было так приятно.

Глава 14

Рэй лежал на полу с закрытыми глазами, думая о чем-то грустном. За несколько минут, проведенных в этом состоянии, он испытал столько разных и сильных чувств, что невольно можно было рассмеяться.

Вилли пропал бесследно, и его нет уже несколько дней. Сколько именно – нельзя сказать, так как все сбилось со счета в суматохе всех этих событий. Ведь он просто-напросто заблудился в лесу и не может найти дорогу обратно! Или не мог... От этой мысли у Рэя из глаза потекла слеза. Он никогда не думал, что настолько эмоционален. Думал, что если даже его близкий человек умрет, он не будет плакать, но вот близкий человек... исчез... и он плачет. Вилли... Вилли. Когда произносишь его имя, сразу видится забавный болван, который то и дело пускает разные фразочки не к месту. Не то что Майк. Майк? А где Майк?

Где все?

И тут Рэй понял, что лежит на полу уже долго, что входная дверь приоткрыта и никого нет...

– Майк! – выкрикнул Рэй, открыв глаза и приподнявшись.

Темно. Видна только бледная луна над острыми макушками сосен в окне, свет, подающий на подоконник, на пол. Глаза стали привыкать к сумраку, а заодно – различать внутренности комнаты. Стали видны бугорки переплетов книг

на стеллаже, диван в углу под лестницей, телевизор и его антенны, как усы здорового таракана, пересекающие пространство комнаты. И какой-то паучок, шевелящийся в дальнем углу у потолка. *Паучок?*

Темное пятнышко двигалось вниз от потолка, где темные деревянные брусья пересекались в углу. Вдруг оно набрало скорость и уже чуть ли не падало вниз. *Паучок на паутинке?*

Пятнышко упало на пол, оставляя за собой такую же темную полосу, спряталось в темном углу, может быть – задело ножку дивана Майка, но уже через мгновение выкатилось из темноты и подбежало к лежащему на полу Рэю. *Кровь.*

Струйка крови стекла из стыка потолка и стен, задержалась на полу, собравшись в небольшую лужицу, и двинулась дальше, подталкиваемая потоком. И задела пальцев Рэя. Он подвел руку к падающим из окна лучам света и оглядел ее.

Рэй отвел взгляд от руки и посмотрел на стены комнаты: они уже были исполосованы такими струйками крови. Посмотрел направо. Новая полоска у стеллажа сбегала вниз, плюхнувшись о пол и оставив маленькие капельки, добежала до уже высыхающей лужи крови Рэя и соединилась с ней.

Что это? Стены дома кровоточат? Плохо это или хорошо? Благословенное очищение это или начало ритуала? *Это плохо*, решил для себя Рэй. Он, кряхтя и дрожа от страха, встал на ноги и уставился вниз. Новые струйки все подбегали к его луже и соединялись с ней, перекрещивались между собой, соединялись в одну, но более мощную...

Он поднял голову к потолку.

Струи стали литься сильнее; там, откуда они текли, образовались на потолке темные влажные пятна; кровь уже не то, что капала – она брызгала. Стена с окном, у которого находился стеллаж, стала полностью черной. Тут же и соседняя. И остальные.

Рэй стал отшагивать назад, зная, что направляется к открытой двери, что вот-вот сорвется и побежит к выходу, что глотнет свежего воздуха и закричит, что есть сил; он ускорился, зашагал уже довольно быстро и развернулся к выходу. На пороге стоял Милтон.

Сейчас неуклюжий старикан с трясущимися руками куда-то пропал, и на его месте был человек, чьи зубы были стиснуты до скрипа, а в глазах горели огоньки ненависти.

– Милтон, что происходит? – выдавил жалобно и еле слышно Рэй. – Милтон?

Майк шел вслед за девушкой в ночнушке (ее полы развевались на ветру, но не цеплялись за ветки и не марались о грязные листья и землю). Она время от времени оглядывалась, как бы делая одолжение Майку, вновь и вновь

предоставляя посмотреть на свои прекрасные глаза. Майк не знал, куда она ведет его, кроме того, что в лес, но его это особо и не волновало. В голове мелькнула пошлая, но приятная мысль о том, что она хочет заняться с ним сексом.

Оригинально, да? Холодной осенью, в лесу, в ветреную погоду, на свежееопавших листьях. И иголках. Оригинально.

Майк остановился, и она тоже, почувствовав это.

– Куда мы идем, бэби?

И снова этот жест: «Тише, разбудишь детей!» Она посмотрела на него так, как смотрела в «Норе», мысленно попросила,
заставила?

и они снова пошли.

Они просто шли вперед, теперь это стало несколько волновать Майка, ведь они никуда не сворачивали и все шли и шли; вот-вот и они доберутся до того места, где произошла авария, когда они с ребятами ехали в «Нору». Сменив грязные листья и иголки на чистый и мягкий салон ниссана, Майк тут же утешился, хоть и совсем на миг.

Холодный, замерзший и промокший от дождя салон перевернутого ниссана.

– Дальше я не пойду, пока ты не скажешь мне, куда мы идем! – наконец-то набрался храбрости Майк. – Ты куда-то ведешь меня, а я даже не знаю, куда и зачем! Не говоря уже о том, что я тебя не знаю!

Девушка устало обернулась, выражая всем своим видом укор.

– И как это у нее получается? – подумал Майк.

Ральф не знал, куда пошел Майк, хотя смутно догадывался, что в лес. Куда же еще? Ему не терпелось догнать его и...

– Да что тебе опять в голову взбрело? Ну как ты мог? – размышлял Ральф. – С другой стороны, спасибо, что заставил меня выбраться из этого дома, а то мы бы так и просидели там, пока что-нибудь опять не случилось.

Ральф шел наугад, не сворачивая. Иногда ему казалось, что он слышал хруст веток где-то недалеко, но позже, в очередной раз убедившись, что это был не Майк, на него находили приступы страха: сейчас он не один в доме – но один в лесу.

А что, если он догонит Майки, тот повернется к нему, и Ральф снова увидит эти дьявольские, черные и блестящие глаза? Побежит обратно домой и заблудится? Побежит от Майка и опять заблудится?!

Ральф остановился.

Теперь он не знал, что делать – продолжать идти или вернуться в дом, к Рэю? Идти дальше больше не имеет смысла – Ральф потерял во времени, но возвращаться в дом... что-то, глубоко засевшее внутри него, подсказывало, что это пропадающая идея. Ральф легко вывел для себя естественную аксиому: если он смог покинуть Рэя и оставить его, потерявшего сознание и беспомощного, валяющегося в луже крови, одного в «Норе», значит, он либо потерял всякую

ценность в своем друге, либо... на этом мысли Ральфа остановились. А, может, варианты просто исчерпались...

Глава 15

Майк начал узнавать места, по которым его вела незнакомка.

– *Загадочная незнакомка*, – вновь проплывали мысли в его голове.

Они взяли влево и шли на север, проходя знакомой дорогой. Тут деревья немного отступили в сторону, открывая обзор: тропинка, усеянная пестрым гравием, темно-синие облака на еще более темно-синем фоне неба, кусок желтоватой луны и ни одной звездочки, в отличие от летнего сезона – особенно конца августа и начала сентября. Они поднимались на «холм» – возвышение у самого озера, образованное выступавшей породой – «куском скалы», какой видел ее Майк. На самом краю этого «обрыва» над озером лежал огромный камень, на котором так любил сидеть Ральф, изредка посматривая на дрожащую водную гладь, чаще – на закатное зимнее небо, кажущееся невообразимо оранжевым, окруженное по бокам покрытыми снегом елями и соснами.

Девушка подошла (Майк не был уверен, ходит ли она на самом деле, или нет: она передвигалась так плавно, что казалось, будто ее босые ноги не касаются земли) к краю обрыва, остановившись у камня; она смотрела на дом, казавшийся вдалеке маленькой яркой точечкой – мотыльком, заблудшим в этот лес, окружающий его, как пузырек воздуха, окружаемый водой где-то на глубине этого озера. Майк тоже решил подойти к краю, встав рядом с ней, но его глаза не хотели смотреть на дом, они опускались вниз.

Майк стоял на краю обрыва над озером, темном, почти черном, казавшимся пропастью. Он заглядывал в его бездну, и им овладевали головокружение и дурнота. Животный инстинкт, первым делом заставлявший отойти от опасного места, сейчас не работал – Майк оставался на месте. Медленно и постепенно головокружение, дурнота и ужас сливались в нем в облако чувства, которому нет названия. Мало-помалу, еле заметно, это облако стало обретать форму, точно дым, поднявшийся из бутылки, в котором находился джинн; однако из него над краем бездны рождается образ, несравненно более ужасный, чем любые джинны, хотя это всего лишь мысль – правда мысль чудовищная, пронизывающая Майка до мозга костей леденящим экзотическим ужасом. Это – всего лишь попытка вообразить, что успел бы он почувствовать во время стремительного падения с такой высоты. И вот этого то падения, этого стремительного превращения в ничто – именно потому, что оно связано с одним из самых отвратительных и мерзких способов смерти и страдания, какой только рождался в воображении Майка, – он теперь томительно жаждал. И лишь потому, что не только его этот инстинкт, но и его разум настойчиво требовал, чтобы он отошел от обрыва, лишь потому он упрямо к ней приближался. Нет в природе другой столь демонически нетерпеливой страсти, как страсть, обуревающая человека, который, стоя на краю обрыва, вот так смакует падение туда. Прислушаться хотя бы на миг к голосу

рассудка значит неминуемо погибнуть, ибо рассудок побуждал Майка отступить, а этого он сделать не способен. И если рядом нет дружеской руки,

или ее холодной руки с ее ледяным прикосновением...

чтобы остановить его, если ему не удастся броситься навзничь, в сторону, противоположную бездне озера у края обрыва, он прыгнет в нее и погибнет.

Майк с трудом поборол в себе эту жажду, и от этой мысли, что он может упасть вниз, по спине побежали мурашки.

– Что мы тут делаем? – спросил было Майк, повернувшись к девушке в ночнушке, но...

Перед ним стояла она, но она уже не была похожа на ту прекрасную девушку в ее «спальном платье», даже сквозь ткань и без разрезов обнажавшем ее прекрасное тело: округлую и, наверное, упругую грудь, элегантную талию, бедра...

Сейчас уже не было тех больших, блестящих и грустных глаз, смотрящих пусть с укором, но и с любовью...

Теперь она была другой.

Теперь она сильно похудела, но и раньше была стройной и никакого намека на «полноту» – ее талия теперь не привлекала взгляда. Теперь взгляд не мог терпеть уродливые ребра, выступающие, словно у высохшей мумии.

Ее кожа сменила свой слегка бледноватый нежно-розового оттенка цвет на слишком бледный и желтоватый; она казалась матовой и будто бы липкой. Под глазами были сиреневые мешки, а сами глаза покрыты сеткой красных капилляров. Ее зрачки помутнели, оставив свой глубокий черный цвет лишь где-то внутри. На шее виднелись охватывающие ее синеющие следы рук и надувшиеся вены.

Майк понял все сразу. Он узнал *ее* обезображенную синими венами желтую, липкую кожу и измученное, отощавшее от голода тело. Он узнал ее. Мегги.

Он падал вниз, с обрыва в черную бездну, а его мозг запечатлел и повторял по кругу лишь два кадра. Ее мутные глаза и костлявые руки, протянувшиеся к нему. Его вопрос вряд ли был услышан, но все-таки он был произнесен: «Почему?» Потом вспышка ледяной боли в груди, выпустившей от ее толчка весь воздух и уже не способной набрать его вновь. Ее «ты его друг»... И сквозь эти два кадра пробивалось едкое чувство

интереса? любопытства?

не дающее покоя в эти последние мгновения: *чи следы рук на ее шее?*

Майк упал в ледяную-ледяную воду. Его тело от холода стали пронизывать иглы, но он не мог пошевелиться. Он знал, что, возможно, если бы не был сейчас

в таком состоянии, смог бы доплыть до берега, пусть и в такой ледяной воде, но он просто не мог...

Ее силуэт на краю обрыва еще был виден сквозь синюю толщу воды, постепенно темнея, все темнея... и уже почти скрываясь. Все еще был виден.

Ее силуэт. Ее...

Майк погружался с каждой секундой глубже, и, казалось, с каждой секундой все быстрее, но, может быть, это просто сознание переставало работать. В рот попала вода мерзкого, но терпимого – уже терпимого – вкуса, проходя в глотку, наполняящуюся, словно холодным тяжелым свинцом. Майк последними силами улыбнулся от последней мысли. Глазам хотелось закрыться, но опять не давала вода – единственный и последний враг, с которым сейчас он остался наедине. Теперь он был тем самым крохотным пузырьком, окруженным со всех сторон ее суровыми объятиями.

«Вода – источник жизни» – была его последняя мысль, вызвавшая последнюю улыбку. Майка развернуло лицом вниз, и он увидел на дне самого себя. Улыбающегося. Лицо двойника было зеленым, капилляры на глазах полопались, – это все, что он успел увидеть. Ему хотелось закричать, но из глотки вырвались только пара пузырей. Стало темно. Совсем темно.

Глава 16

– Милтон? – Рэй был в недоумении, не понимая, почему старик разозлен.

Куда подевался «домашний» старикан, единственной заботой которого был поиск «мистически пропавших» тапочек и который ни за что на свете не пропустил бы – а если бы ему и помешали, то долго бы еще ворчал – очередную серию «бинго»?

Милтон, по неизвестной Рэю причине, так и сиял ненавистью. Его глаза блестели, чуть ли не искрились, а руки дрожали сильнее прежнего – явный признак стирающейся грани между нормальным состоянием человека и человеком с извращенной психикой Каннибала Лектора, маньяка из «Молчания ягнят». Рэй не мог понять, чем вызвано такое поведение старика.

Чем он так может быть разозлен? То, что я загадил весь пол, это, конечно, плоховато... но с другой стороны – его разве не волнует, что со мной произошло? а то, что я видел? Разве нет?! Нет... Тогда я не понимаю... А вообще-то... Кажется, уже начинаю понимать. Он тоже видел...

Милтон, видимо, так был охвачен злостью, что был ей даже скован: он уже трясся – казалось, его лихорадит, но он не может сдвинуться с места. Но вдруг он все-таки решился на какие-то более разумные

Безумные?!

движения. Милтон стал двигаться по направлению к Рэю, уже увидевшему, что он держит в руке ружье. Это настораживало, учитывая возникшее из ниоткуда и вселившееся в Милтона, маленькую серенькую мышку, зло. Рэй уже подумал,

что тот может застрелить его, поэтому решил более не отползать назад, опираясь руками в скользкий пол, не показывая сопротивления; ведь он знал, знал по опыту, что *они* не любят сопротивления...

Старик приблизился к нему до расстояния вытянутой руки (или ноги Рэя, чуть ли не касающейся ботинка Милтона) и, наклонив голову немного в бок, стал смотреть на Рэя так, как смотрел на того самого певца из мюзикла... В миг Рэю показалось, что он начинает задыхаться, что его легкие начинают судорожно дергаться, и в глазах темнеет, но в подсознании он знал, что просто выдумывает все это, что Милтон не может убивать взглядом, и ему просто стало страшно от одного вида старика. Именно поэтому перехватывает дыхание, и в глазах темнеет.

Именно поэтому?

«Но почему?!» – успел спросить вслух Рэй. Милтон размахнулся ружьем, обхватив двумя руками его ствол за самый край, и со всей силы

И откуда у него появилось столько силы?

врезал Рэю по лицу, будто отправляя в небо клюшкой мяч. Рэй даже не успел подумать о том, что ему опять придется валяться без сознания в этой мерзкой, липкой и холодной луже, под риском захлебнуться своей собственной кровью, отдающей во рту металлическим привкусом... и почему-то горечью валиума.

Луна незаметно стала белой. А может, для Ральфа она всегда была белой, как бы часто он на нее ни смотрел. Хоть на ней и можно было различить темные пятна и – правда с трудом – даже некоторые кратеры, но все же она была белой, и выглядела, как в детской сказке. Не хватало только некоторых деталей: ухающего филина, стрекочущих сверчков и пролетевшей темным силуэтом на фоне луны ведьмы на метле. Ральф шагал неспеша, не надеясь кого-то догнать или от кого-то убежать. Он шел в «Нору». Пусть и была она сейчас отвратительнейшим местом в мире, но, все-таки, это была «Нора». Это была немного (или много – не важно) изменившаяся, но все еще та самая «Нора», где некогда жило крепкое рукопожатие дружбы их четверки. Живет ли оно там сейчас? и будет ли жить дальше? Ральф не знал.

Ральф шел, ничего не боясь, или заставляя себя самого поверить, что бояться нечего; он смело отводил ветки в стороны, смело наступал на зловещие бугорки под хвоей, поднимающие иголки в разные стороны, как иглы разозлившегося ежа... но он не мог обернуться, чтобы убедиться, что позади никого нет, и никто не преследует его. Да, он отводил ветки, твердо наступал, но движения его были скованными, не решающимися на лишнее. Он двигался так, будто боялся задеть что-то хрупкое, окружающее его со всех сторон. И пусть он не знал, зачем идет в «Нору», но зато он знал, что было этим хрупким, что опасно было бы разбить. Это был наконец-то успокоившийся Лоствудс.

Тишина была повсюду: ни кроны деревьев с убаюканными ими птицами, ни облака – тучи, недавно полегчавшие от сброшенного груза – ничто не подавало признаков жизни. Лишь сам Ральф – он сейчас был маленькой красной точкой, передвигающейся рывками на чьем-то радаре.

Мысли стали похожи на ком шерсти, оторванный кошкой: Ральф верил, что в любой момент может произойти все, что угодно, как было несколько минут назад; но он чувствовал, что *следующее* будет еще хуже, – он чувствовал нагнетающуюся атмосферу.

Ральф был уверен, что уже подходит к дому, что до него осталось несколько десятков метров. Именно так и оказалось: сквозь рой голых веток стал мелькать огонек света из кухонного окна «Норы». Он замедлил шаг, сам не зная, почему, и остановился совсем близко – от «Норы» его отделяли только небольшая группа деревьев и ряд кустов.

Ральф смотрел в окно, надеясь увидеть Рэя, целого и невредимого, или Милтона. Он абсолютно точно знал, что в доме кто-то есть: когда он отправился за Майком, свет был выключен.

А может, это и сам Майк?

В окне показался Милтон. Ральф сразу заметил выражение его лица – хитрое и настороженное. Старик стал разглядывать кусты, чтобы убедиться...

Убедиться в чем? Что его никто не видит? Но с какой целью?

Милтон медленно проводил взглядом слева направо, тщательно рассматривая кусты, и только тогда Ральф догадался укрыться за толстым стволом дуба, чтобы не быть замеченным.

– Ральф, Ральфи! Что ты делаешь? Рэй без сознания и вероятно, ему нужна неотложная помощь, а Милтон просто смотрит, куда мы все подевались. Он не сможет справиться с Рэем один. Ты должен пойти туда. Ты разве не знаешь такого слова – *должен*? – шепотом подбадривал он сам себя. – Просто так сидеть здесь и ждать... ждать чего? Ты сидел у лестницы – и потерял Майка, просидишь у дерева – случится что-нибудь еще! Ральфи, иди туда... – Ральф вдруг остановился, услышав скрип открывающейся двери. Он пригнулся и выглянул из-за дуба.

Ральфу не хотелось верить, что то, что он видит – правда, хотелось верить, что это сон, один большой ночной кошмар. Милтон, кряхтя и тяжело дыша, тащил за ноги Рэя через порог дома. Он связал ему руки и перевязал веревкой рот, пока Рэй был без сознания. Он тащил его, не обращая даже малейшего внимания на то, что голова Рэя (из носа опять ручьем течет кровь, на лбу здоровенный синяк) бьется и косяки и ступеньки. Милтон вытащил его на улицу, отдышался и снова осмотрелся по сторонам, – Ральфу пришлось вновь нырнуть за ствол.

Глава 17

Но не надолго. Он не мог пропустить такое зрелище или, как это еще можно назвать, *следующее*. И это следующее... оно действительно оказалось хуже предыдущего.

Милтон тащил Рэя в подвал, к злобно гудевшему генератору. Ральф не осмелился бы подбежать к старикану и «врезать ему в дыню», потому что у старикана было ружье. А в этом состоянии, в каком его сейчас видел Ральф, от него можно ожидать чего угодно. Наконец, он вместе с Рэем скрылся за дверцами люка.

Ральф со всех ног кинулся в дом, но стараясь быть беззвучным. Он метался из стороны в сторону, решая, что лучше – взять нож или мотать наверх за вторым ружьем Рэя, который Милтон наверняка хорошенько спрятал. Ральф выбрал первое, потому как знал, что нож стоит в подставке на столе. Он вытянул его, звякнув лезвием, и спрятался за входной дверью.

Казалось, старик уже узнал, что Ральф в доме; сердце колотилось и не давало никакого покоя. Он стоял за дверью, споря сам с собой насчет того, что его план может не сработать.

Он не может не сработать и ни в коем случае не даст осечку! – Ральф пытался мысленно перекричать голос в голове. И совсем забыл про то, что поджидает Милтона. Дверь, за которой он спрятался стала открываться.

– Ах ты!.. – закричал было Милтон, но вдруг его интонация сменилась более мягкой, – Что ты делаешь, Ральфи?

– Что я делаю? Ральфи?! А что ты делаешь? Я все видел! – Ральф держал Милтона за плечо, приставив к его горлу острый немецкий мясной нож. Он среагировал так быстро, что у Милтона не успела даже возникнуть идея направить на него двустволку – она была опущено.

– Бросай ружье!

– Но...

– Я сказал, брось ружье, а иначе я перережу тебе горло! – не щадил Ральф старика.

– Я все объясню! Объясню, – завопил тот, – только убери это!

– Слушаю.

– Ральф, ты ничего не понял! Я просто хочу сделать Рэю лучше!

Ральф был в недоумении.

Лучше?!

– Я оттащил его к генератору, чтобы он согрелся, ведь тут так холодно!

В комнату и вправду было слишком холодно. Наверное, потому что дверь была открыта слишком долго, и генератор мог греть только маленький кусочек воздуха вокруг себя, даже не разнося тепло по отопительным трубам.

– Ральф, пошли туда, ты сам все поймешь! – Милтон потянул за рукав растерявшегося Ральфа. Они пошли.

Как же глупо могло оказаться, что все именно так, как говорит старик. Ведь он просто хотел помочь, а Ральф чуть не прикончил его. Ральф никогда не любил извиняться. А придется ли? Но все же.

Я такой дурак. Милтон просто... Стоп. Помочь? Связав его и сделав кляп?!

– Стоять! – только успел сказать Ральф, укрепив в руке нож, как уже оказался под прицелом.

– Ведь ты же знал! Ты же говоришь, что все видел! Что? У тебя плохая память? – ехидно и со злобой колот Милтон Ральфа.

– Мразь! Зачем тебе это надо?

На Мег нельзя было смотреть: ее тело стало похоже на скелет. Желтая кожа обтягивала ее хрупкие от недостатка кальция – нарушался обмен веществ – кости. Он умирала, и умирала очень медленно и мучительно.

Милтон сидел возле кровати ночами, думая, чем он может помочь ей. Думая о любых способах, которые помогут облегчить ее страдания и боли. Но ничто не приходило на ум. Даже самая современная медицина и техника, он был уверен в этом, не способна вылечить его жену или хотя бы как-то помочь. Мег перестала говорить – ее силы уходили с каждой минутой, и даже на разговор она не могла потратить то, что ей нужно было тратить на жизнь.

Милтон, глядя на Мег, предполагал, что из-за частых обмороков у нее скоро развилась аритмия сердца... а вслед за этим стали происходить приступы удушья, когда она не могла дышать по несколько минут. Это не просто пугало, это ужасало. Каждый такой приступ Милтон молился, чтобы он не был последним...

Однажды ночью, возле постели умирающей жены Милтону в голову пришла мысль. Сначала она казалась сумасшедшей, потом бредовой и наконец, лишь сомнительной. Но все-таки Милтон придумал, как облегчить ее страдания. Избавить ее от них.

– В последнее время – в последнюю пару дней – она начала есть. Я знал, что это было предсмертным рывком. Некоторые люди, перед самой смертью, обычно набираются сил, чтобы сделать этот самый рывок. Иногда даже начинают ходить, – говорил Милтон. – Но я не хотел видеть, как она рухнет на пол с очередным приступом.

– Ублюдох! Она шла на поправку! Рэй точно подтвердил бы это, хоть он и психолог. Но он же закончил медицинский университет...

– Нет! Нет! Она умирала! Я видел ее! – заспорил старик. – Она уходила от меня безвозвратно.

– Ты не мог знать этого точно!

Милтон ударил сидящего на полу у генератора рядом с Рэем Ральфа в лоб стволом ружья. Сердце его на миг замерло, опасаясь, что это мог быть последний миг.

– Мог. И знал. Чувствовал.

Старик потер пальцами брови. Его перебили, и он возвращался к нужному месту.

– Я предложил ей съездить сюда, в наш лесной домик, в последний раз. Она очень любила его и не могла уйти, не взглянув на наше гнездышко. И согласилась. Я хотел сделать ей хорошо и сделал. Я убил ее, – Милтон остановился, увидев, что Ральф прикрыл глаза, – они заслезились. – Я похоронил ее здесь же, у озера. Но я не знаю, почему она не захотела уйти *туда* с миром. Иногда я вижу, как ее душа до сих пор беспокойно бродит по лесу.

– Я знаю: ты убил ее, когда она пошла на поправку, старый козел!

– Заткнись! – он разозлился не на шутку. – Я убью и тебя. И всех вас! Вы слишком много узнали. И слишком много видели. – Он направил стволы на Ральфа, но через мгновение перевел на лежащего Рэя. Когда Ральф соскочил и сбил с ног старика, казалось, что было поздно: Милтон выстрелил. Они вместе упали на пол, словно вылетевшие гильзы.

Рэй очнулся от обморока из-за шума, казавшегося ему непонятным сплетением звуков разной громкости: что-то гудящее, потом громкий хлопок и возня...

Рэй думал, что все, что произошло – сон, и теперь он проснулся. Но то, на чем он лежал, было грязным, холодным и сырым. В правый бок отдавали волны тепла. Рэй понял, где он находится, но не понимал, почему он в подвале. Тяжело, почти бессильно поднявшись на руках, он стал вставать. Позади кто-то барахтался, но его сейчас это не волновало.

Глава 18

Ральф боролся с Милтоном. На лбу горел невыносимой болью синяк, текла кровь. Они пытались одолеть друг друга... прогремел второй выстрел. Ральф обернулся к Рэю.

Рэй, только поднявшийся на ноги, попал под пули, сделавшие в его животе дыру со свисающими по краям клоками свитера и кожи и хлещущей из нее крови. Его отнесло к стене, и он вновь упал. *Только на этот раз он будет не в обмороке, а уснет вечным сном*, подумал Ральф, поворачиваясь к Милтону.

И увидев направленные на него стволы. Два кольца, внутри которых были черные круги...

...Я убью и тебя. И всех вас! – повторилось в голове. – Всех вас!

Уходи.

Темно. Только четыре светлые полосы, создающие светящийся прямоугольник. И эта вонь... невыносимая вонь.

Уходи.

Вилли лежал в секторе, предназначенном для трупов. Сталь, на которой он находился, была холодной и гладкой. Иногда он задевал рукой небольшие капли, но не мог сказать, или не хотел даже думать, что это было.

Уходи, сказал чей-то голос.

– Что же это? За что это мне? – дрожащим шепотом говорил Вилли сам с собой. – Что я сделал? Откуда этот морг? Куда подевалась «Нора»?

«Нора»? А разве это не «Нора»? Разве «Нора» выглядит не так на самом деле? Разве в ней нет трупов, разложенных по полкам? Разве в ней нет мертвецов, какие сняты в ночных кошмарах? Разве «Нора» – не маска, скрывающая правду?

Вилли прикрыл уши руками, но голос, который он не мог, просто не мог слушать, не исчез.

«Нора» никуда не подевалась. Она всегда будет тем, что она есть на самом деле, и никто больше не узнает лица, скрывающегося под ее маской. Ведь так?

Голос в голове был настолько реальным, настолько близким, что Вилли казалось, будто... Нет, ему не казалось. Он сам говорил эти слова.

– Я не знаю! – уже кричал он. – Не знаю, что происходит! Я ничерта не знаю! Я знаю все статьи УК⁹, но я не знаю, что здесь творится! Отстаньте от меня!

Вилли стал вертеться и пинать ногой в крышку сектора. Такой порыв не был «предсмертным рывком», он означал что-то большее. Этот порыв означал что-то очень важное.

– Я знал, – продолжал кричать Вилли, – что старик – просто какой-то дьявол! Я с самого начала это знал! Я видел своими глазами, как он убивал взглядом, и я не верю его словам!

У-хо-ди!

Вилли в последний раз пнул ногой.

Со стены осыпалась отсыревшая известь и белой тучкой опустилась на ноги. Вилли открыл глаза.

Он лежал на полу, в дальнем темном углу подвала дома. Никакого морга, никаких длинных коридоров, полок и препарационных столов, только те же старые полуразвалившиеся стены, то же мерное гудение генератора и та же мигающая лампочка на потолке.

Он повернул голову на другой бок, ожидая увидеть там все то знакомое, что видел в последний раз: лестница, дверцы люка, столбы-опоры. Рэй у стены с

разорванным животом и вывалившимися внутренностями. Ральф на полу, раскинувший руки в стороны, как кто-нибудь из фильма Сержио Леоне¹⁰. Ружье на полу рядом с ним.

– О, нет, пусть я попал в другой сон!.. – выдохнул Вилли обнадеживающие его самого слова.

Потолок скрипнул, раздались звуки шагов. Кто-то вышел на улицу.

Но не идет в подвал.

Вилли закрыл глаза, пытаясь превратить все, что он видел в большой и слишком реалистичный сон. Лежал, не двигаясь. Но ничего не происходило. Открыв глаза, он не попал обратно в морг.

– Я ничего не буду делать. Это бесполезно. Все мои друзья мертвы. Мертвы все, кроме Милтона и меня. И я не буду ничего делать. Я просто буду лежать.

Вилли оказался в ужасном гротескном мирке, наполненном такими же уродливыми страхами. Два трупа могли казаться куклами с пришитыми руками и дырочками для волос на голове, но они ими не были. Маленький лесной домик, в котором он находился, был в сердце темного и густого осеннего леса с оголенными корявыми ветками-пальцами его деревьев, леса над которым, как казалось, луна светит вечно. А иногда сверкает молния.

И все эти события напоминали огромную яму, в которую он провалился в миг. Напоминали *нору* чудовища-змея с острыми когтями и зубами, которыми он хватался и впивался, чтобы затянуть тебя в свое логово.

Вилли все это взбесило. Он не хотел быть в визуальном эквиваленте «Найн инч Нейлз»¹¹. Его что-то мучило, как китайская пытка водой: когда маленькая капелька пробивает, наконец, в твоей голове дырку.

Майк! Майк еще может быть жив! Я не могу все бросить, не удостоверившись, что все кончено.

И в этом самом гротескном мирке Вилли был как в игре, был такой же куклой, как и его мертвые друзья, куклой, подвязанной на ниточки, с помощью которых кто-то больший им управляет, уже зная по задумке, что будет дальше...

От автора

Я хочу поблагодарить всех, кто повлиял на создание «Норы». Можно считать, что это первый настоящий, серьезный рассказ в моей жизни. Хочу отдельно поблагодарить Разинкина Михаила за то, что он порой помогал мне выйти из тупика, но хочу и обругать его за то, что с каждой такой помощью сюжет рассказа все развивался... и мне приходилось долго сидеть и думать, как бы «завить» его обратно. Теперь скажу пару слов о самом рассказе.

Не спрашивайте, почему я избавился от главных героев, и избавился именно в таком порядке. Причины есть, я это знаю точно, но их одновременно и нет. Мне хотелось оставить каждого поодиночке, чтобы посмотреть, как он справится со

сложившейся ситуацией. И для каждого это было чертовски сложно, а для некоторых – и вовсе невозможно.

Я считаю «Нору» произведением, написанным в жанре сверхъестественного ужаса, но ни за какие коврижки я не соглашусь называть ее «ужастиком». «Ужастики» – слишком просто, слишком «по-детски». «Ужастики» – это когда на экране появляется написанная якобы кровью надпись, от которой стекают красные капли. «Нора»... пусть лучше это будет «произведение, написанное в жанре сверхъестественного ужаса». Это кровь, в отличие от кетчупа, который мы видим на экранах своих телевизоров.

И последнее. Во время процесса создания «Норы» я испытывал такое чувство... что-то вроде жалости. Мне было жаль заканчивать «Нору», потому что мне казалось, что я уже не испытаю таких ярких ощущений, будь то страх или чувство романтики, которое я испытал во время ее создания. Но теперь я не жалею о том, что закончил ее. Потому что «Нора» – это, пожалуй, лучшее, что я когда-либо написал на данный момент своей жизни. И перечитав ее заново, я не усомнился в этом.

*Денис Талала
19 ноября 2004 г.*

Примечания

1 Лоствудс (англ. Lost Woods) – «Затерянные леса».

2 «Будвайзер» – популярная на западе марка пива.

3 Здесь описан отрывок из «Мертвой свадьбы» Талала Д. А. и Разинкина М. М.

4 «Дни из жизни смерти» – автору приходила идея сделать это названием сборника, в который вошли бы следующие рассказы: «Нора», «Мертвая свадьба», «Вне времени», «Марвин-непоседа» и миниатюры: «Человек на улице», «Бабочка», «Невеста», «Котлетка», «Невестребованный», «Картинки» и «Ральф».

5 Fatum – (лат.) рок, неизбежность. Здесь: судьба.

6 Эдгар Аллан По, знаменитый американский писатель и поэт. Его стихотворение «Ворон» (перевод с английского М. Донского) единогласно признано шедевром.

7 «Вне времени» – самый первый рассказ Талала Д. А., написанный 10 ноября 2002 г.

8 «Валиум» – сильнодействующее снотворное на основе барбитуратов. Известно своими побочными действиями при передозировках: головные боли, рвота, судороги, обморок, редко – кома.

9 Имеются в виду статьи Уголовного Кодекса.

10 Леоне Сержио – итальянский кинорежиссер, прославившийся в 60-е годы своими так называемыми «макаронными вестернами», в которых снимались такие знаменитости, как Клинт Иствуд и Роберт Де Ниро. Сын известного кинорежиссера немого кино Винченцо Леоне. Упоминание его фильмов связано с их особенностью. Умирая в фильмах Леоне, люди двигаются, выполняют «балльные танцы», и размахивают руками, словно готовясь выполнить акробатический трюк.

11 Под этим названием скрывается талантливый певец, музыкант, аранжировщик Трент Резнор (Trent Reznor), тяготеющий к жестокому, мрачному року. Выступает с 1988 г., лауреат премии «Грэмми», продюсер музыки к фильму Оливера Стоуна «Прирожденные убийцы».

На странице 8 использована иллюстрация Д. А. Шмаринова. Авторство остальных иллюстраций принадлежит Д. А. Талала.